

ОДЕССИТЫ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

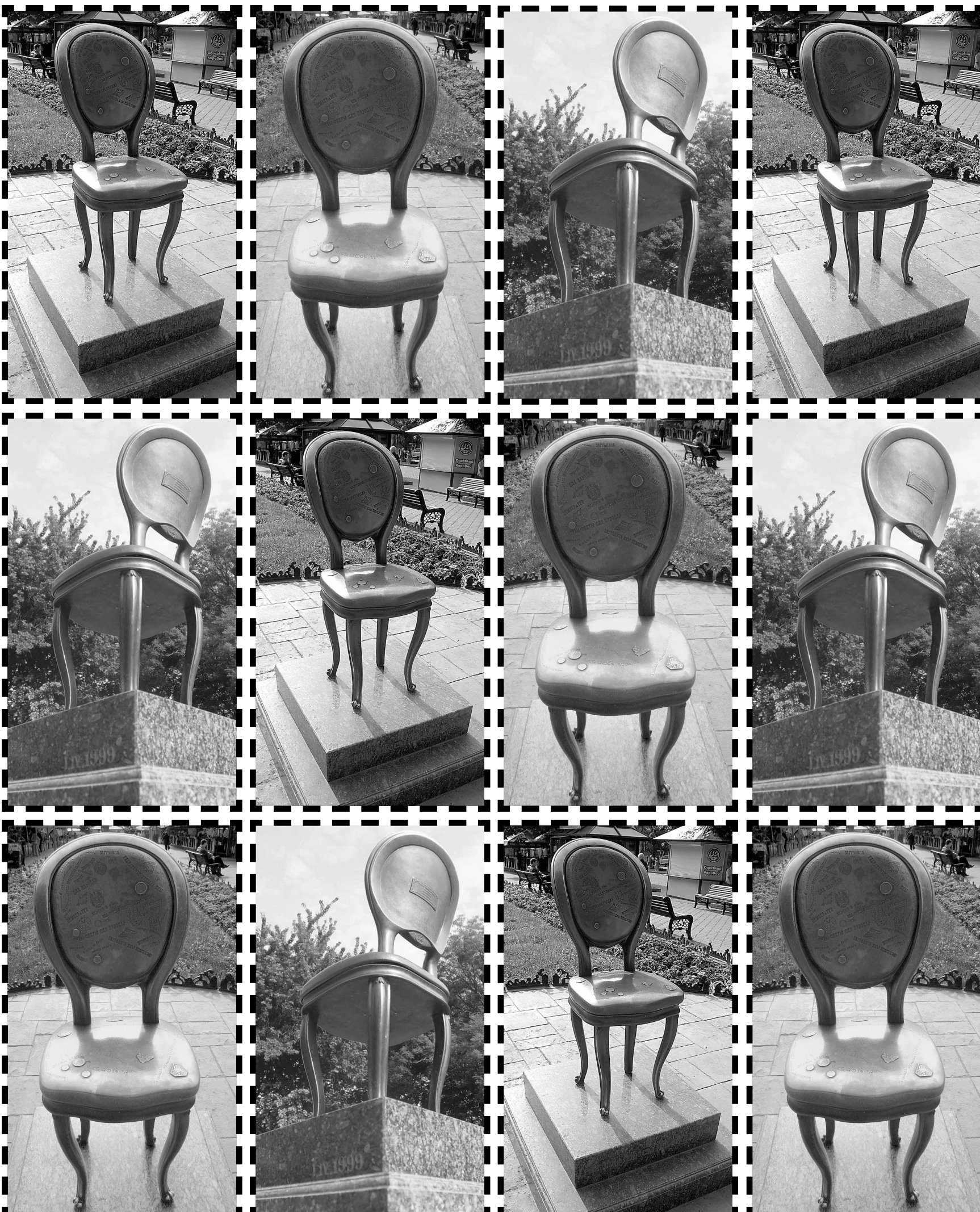
ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ, НАУЧНАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И КОММЕРЧЕСКАЯ.

Марія Ивановна Долиной

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 2 (54)

Август — сентябрь. 2004 год.

12 стульев. Скульптор М. Рева.

Читайте на стр. 3 сценарий "Одесса-вестерн".

Номер посвящается 210-летию Одессы

Синдром "никому не нужности"

Одиночество невыносимо в любых его проявлениях: будь то одиночество вдвоем либо одиночество в большом городе, либо одиночество в силу того, что ты остался в этой жизни один.

В связи с этим припомнились один эпизод из моей жизни.

Однажды, 30 лет назад, будучи пятнадцатилетней школьницей, я впервые в жизни написала рассказ, который, впрочем, никогда не был опубликован. Но суть в другом. В рассказе там я отразила глубокие переживания, смятение чувств девочки-подростка, вызванные одиночеством среди одноклассников. Конечно, я писала о себе. Суть сводилась к тому, что героиня моя, отчаявшись, отправилась осенью мрачными и дождливыми днями на Пещин мост с самыми страшными мыслями. Девочка стояла на мосту в застывшей позе неопределенный отрезок времени. А рядом, на прохожей части расположилась стайка голубей, подставлять героине рассказ, застывшая от холода и голода. Вначале девочка не замечала птиц. А, залетив, отвела глаза. Но что-то в сердце дрогнуло и сжалось, и рука потянулась в карман за горсткой семечек. В этот момент девочка испытала прилив сил. Мрачные

мысли сменились более оптимистичными. И домой она уже возвращалась, переполненная желанием жить и приносить пользу людям.

В тот день девочка стала взрослой.

И сегодня, пройдя все стадии и разновидности одиночества, хочу поделиться с теми, кто одинок, своим секретом выживания.

Самое главное — не ожесточить свое сердце, не держать обиды на свою судьбу, окружающих, Господа Бога. Слова — не обманять в своих бедах весь мир. И если избавиться от перечисленных чувств, изгнать их из сердца — на смену придет любовь. Любовь к старушке, к ребенку, к родящей собаке, к цветку. К окружающему миру. Вы почувствуете себя частью этого мира. А любовь научит ваше сердце слушать и слышать мелодию сердца других. Ведь у каждого сердца — своя, неповторимая мелодия! И чем выше уровень духовного развития человека, тем богаче и гиблей эта мелодия. И вот уже сердце ваше не одиноко, ибо мелодия его нашла себе подобную в сердцах других. И сердце ваше звучит в унисон с созвучными вам сердцами. В этом — упование и счастье! И нет уже одиночества и в панике, потому

что вы нашли сердце, в котором подобный, звучащий так же, как и вы.

Самое невыносимое одиночество — это одиночество стариков, утрачивающих свою "половинку" и веру в людей. И здесь большое поле деятельности для тех, кто научился слушать сердцем. Нельзя пропустить ни одного такого старика. А для этого так мало надо: смотреть и слушать сердцем. Наше оптимистическое зрение и слух совершенны — мы близоруки и глухи порой друг к другу. Но сердце — никогда!

Я предлагаю маленький эксперимент. Идя по улице, киньте взор на мимо идущего человека. Что вы увидели? По сути — ничего. А теперь взгляните на того же самого человека своими сердцем, т. е. всмотритесь, проникните глубже в него. И вот уже перед вами другая картина: вы почувствовали этого человека, его настроение, характер, внутренний голос.

Только любовь, только приятие сердец избавят нас от одиночества.

Вера Саранцева.

Н. Я. Голощапову,
20 лет спустя —
1й выпуск эстр. отг.
ОТМУ

Дорогой Николай Яковлевич!

Отчаявшись найти живые драгальные сайты, с удовольствием пользуюсь сайтом Лени Рукмана, чтобы поздравить Вас с юбилеем. Поскольку мы — Ваши первые эстрадные ОТМУшные дети.

20 лет назад, 25 июня отзвучал последний госэкзамен, последний аккорд Тараканов. Манчини был поставлен и снят последний выпускник (или, черт побери, был я), и наша учеба закончилась. Под Вашим, в смысле, началом. Вечером того же дня мы все сидели в Красноли.

Оглядываясь назад, хочу заверить, что в отношении юности не пожалел бы ничего много. Надеюсь, мои одноклассники разделяют это чувство (о некоторых это точно известно). Формат поздравления ограничивает размер послания.

Дорогой Николай Яковлевич! Примите поздравления, благодарности и пожелания здоровья! Все то же хочу передать Анатолию Николаевичу Кзубову, Елене Игоревне, да просто всем замечательным педагогам, которых

Вы собрали в 1980 году (всех невозможно перечислить).

Было бы очень здорово получить от Вас весточку, а в ней адрес и телефон. Оставляю свой: zlatkis@km.ru

P. S. Не спрашивал, но думаю, что мой друг Мандрига, живущий неподалеку, присоединяется, а я остаюсь ленивым, но Ваш ученик Сергей Златкис zlatkis@km.ru

Ищу Славу Боева. А также всех одноклассников из 58-ой школы (1981-89 гг.).

Марина
rmazal@excite.com

Обалдение
Перепахивал сети и обалдел от удивления. Попал на одесский сайт, наконец-то он есть. Теперь буду принимать участие в полемике, хоть уже и очень стар.

Женя
jenia36@rambler.ru

Сайт Всемирного
клуба одесситов:
www.odessitclub.org.

В память о "Сетевом Дюке"

Просто поразительно, сколь живучим оказался "одесский дискурс" в русской литературе. Реальная Одесса превратилась в географическое понятие, украинское qui pro quo; духовная Одесса расширилась и заявляет себя по обе стороны океана. В то время как метрополитанская российская словесность увлеченно топчет собственных куликов и отцов, меняет Пушкиных и Пастернаков на Викторов Ерофеевых, разбрасывает камни и разглагольствует о родных знаменателях — одесситах собирают и собираются.

Одним из таких блистательных, но, увы, из-за финансовых проблем почивших в бозе начинающих был литературный "Сетевой Дюк". Когда в несколько пламенных глав пришла идея организовать этот конкурс, его будущее видело весьма проблематичным: "Позвольте, да от Одессы осталось одно название! Ее сыны давно гонят иные на бережные и буйвары. Она вся унесена на подмостках эмигрантских башмаков".

Может, и правда, но какою радиоактивною оказалась эта мысль, если и через десять, и через двадцать лет одесская мелодия упрямо терзает сознание блудных одесских детей. Разлетевшись по миру стадо нашло друг друга в виртуальных просторах Интернета, отыскало даже Юрия Михайлика в запертой Австрии и воздвигло новую одесскую скрижалю.

Другое дело, какие на ней писались письма. Колоссальное произведение, поставивших в "конкурсные корзины" Дюка, не всегда было пропорционально их качеству. Некоторые материалы повергали в смущение. Бесхитростные неопиты, получив возможность признаться по секрету всему свету, как они любят Одессу, посылали на конкурс, ничтоже сумняшеся, школьные сочинения. Одесские женщины делились сердечными романами на изысканном фоне акаций и звезд. В конкурсных приемных царил атмосфера легкого безделья, но это и придавало конкурсу истинно одесский шарм. Любо, что декларировала советская власть, очень хорошо получилось у дюковцев: они пригласили в свой конкурс всех желающих, давали ход творчеству народных одесских масс со всеми вытека-

ющими из этого несообразностями — прежде его обилием ернического стеба, принявшего многие дебютантами за фирменный признак "одесского стиля".

Но в том и очарование "Сетевого Дюка", что туда пускали всех. В отличие от надменных "Пилигримов", Букеров и Антик-Букеров здесь царил воистину африканская демократия: пришел (ла) и говори.

Никто из говорящих, однако, не становился при этом на голову, не эпатировал собравшихся заявлениями о готовности расчленивать возлюбленную или возлюбленного на куски. Это — прерогатива постмодернистских Ерофеевых-Сорокиных. Таких в Дюке не пускали на порог. При всей демократичности конкурса, он был, если можно так выразиться, литературно чистоплотен. На фоне прочих литературных конкурсов он сиял, если можно так выразиться, литературной чистотой. На фоне прочих литературных конкурсов он сиял, если можно так выразиться, литературной чистотой.

Надбесселеры — это все великодушная забота, раздача слонов в узком кругу, политес и литературная шутка. Дюк выглядел на этом фоне истинно народным, демократическим мероприятием. Он был рязань, кислород, жизнедающая. Букер сардонически хмылялся, Дюк громко хохотал. Обитатель Букера — интеллектуальная шутка, голландец, механический альпинист; обитатель Дюка — рабочий, сельский, производитель пота. Истинно.

Чем пристальнее автор этих строк инспектировал территорию "Сетевого Дюка", тем чаще он сталкивался на ней с Дмитрием Скариди. Энергия этого человека чудовищна. Он новеллист, публицист, но сверх того еще и издатель, а также штурман дальнего плавания, но помимо прочего еще и краевед, историк, украинец, болгарин, еврей и грек. Воистину, таких людей, как Скариди, нет, и скоро совсем не будет. Он мог бы сказать о себе словами Горького: "Я уже не человек, а целое учреждение". Именно он подвинул в свое время на эту статью. Даже если бы Скариди не претендовал на писательские бары, известность ему была бы обеспечена. Он сам воспринимается персонажем романа. Он — знаковая фигура одесского литературного и поэтического творчества, среда обитания, но в одесских литературных кругах о Скариди пока-

мест никто не сказал ревнивого слова: он слишком для этого дождлив и открыт. О его писательских талантах тактично умолчу: не то чтобы я считал таковые таланты отсутствующими, но это не моя литература; в ней, на мой взгляд, излишек того самого одессизма, о котором говорилось выше.

Одним из лауреатов конкурса стал Юрий Овтин. Вначале он выступил в "Дюке" автором поэтичнейшей "Оды одесским винам", а затем поверг к стопам сетевого жюри "Оду одесским градоначальникам". Ну и что? Коллизия поэт и царь древнейшая в литературном членстве. Великий Пушкин не стеснялся признаваться в любви к русскому монарху, а Александр Терцет опубликовал в своем диссидентском Колоколе филиппику "Пы подери, галилеин!". Юрий Овтин предпочел не заходить в интеллектуальном раздражении на предрасположенные, но предложить увидеть в них тех же лиц одесской национальности, что и он сам. Тот, кто хочет почувствовать ауру сегодняшней, постсоветско-постперестроечной Одессы, должен обратиться к рассказам Овтина. Они противостоят нигилистическому приговору, вынесенному Одессе конкурсными романами Давида Шехтера "Есть город, который НЕ вижу во сне". Автор поставил в нем одесскую проблему очень круто:

"...Мы, одесские евреи, увезли не СВОЮ Одессу, мы увезли ОДЕССУ, мы увезли то, что делало ее сказочным городом, который был дорог до слез миллионам граждан СССР, восхитившихся не только его красивыми улицами, а духом вольности, раскованностью, радостным жизненным, бескомпромиссным, чуждым таинственным искраетным, совершенно не характерным для украинской глубинки, для чего Бабель придумал специальное слово — жовиальность.

Сегодня, когда евреи покинули Одессу, улицы ее остались теми же, говорят, они стали даже чище, ухоженнее, но Одесса превратилась в обычный провинциальный город, каким и должна была бы быть, если бы не те ее жители, которые говорили по-русски, а думали на идише и иврите. Исчезли одесские евреи, исчезла и сама Одесса...

Так это или не так, судить оставшимся. Не думаю, что одесситам украинского или рус-

ского разлива понравится такая горделивая самооценка. Но правда и то, что еврейский обертон в истории одесской культуры звучит вполне отчетливо. Она действительно во многом говорила по-русски, а думала на идише и иврите. Что и доказало большинство произведений, представленных на "Сетевом Дюке". Их еврейская органика не сомненна. Ведь, воспользовавшись пределом демократичной атмосферы конкурса, каждый мог заявить свою визию Одессы: российской, украинской, какую угодно — и что же? За вычетом нескольких исключений, которые лишь подтвердили правило, украинская и русская Одесса на конкурсе не состоялась. Она, так сказать, не продемонстрировала вли в литературном самовыражении. Получается, что мир об этих южнорусских Афинах у моря действительно во многом создавал еврейский гений.

И продолжает создавать. В абсолютном большинстве сегодняшних одесских авторов воспроизводится атмосфера и эстетика именно еврейской Одессы. В советские времена эта Одесса жестко цензурировалась, камуфлировалась, скрывалась под русскими именами и могла выражать себя только в одежде какого-нибудь фольклорного Паниковского из Золотого теленка. Трогательный пласт одесской действительности был как бы скрыт для постороннего глаза. Еврейская Одесса существовала, рождалась семьями, картами целыми научно-исследовательскими институтами и инженерными коллективами, но в официальной русско-советской культуре для нее не было места. И вот — и именно благодаря Дюку — внешнему миру впервые открылась настоящая атлантида биографий, характеров, судеб, связанных единым жизненным дременем, имя которому — быть евреем.

С одной стороны, герои "дюковской" прозы ничем не отличаются от разночинного южнорусского множества. Они проживают жизнь в общечеловеческих хлопотах, крутят романы, ссорятся, мирятся, плодят потомство и не дураки выпить. С другой — они искушены некоторой общей духовной заботой, вечнозелеными кто мы, евреи? Вся духовно-психологическая аура "Сетевого Дюка" была аранжирована

этим проклятым вопросом. Литература есть форма, — лирическое самосознание, — любил повторять опальный ныне Белинский. Так вот, автор сего возьмет на себя смелость утверждать, что "Сетевой Дюк" стал самопознанием уникальной жизненной культуры, которую нужно было покинуть, раствориться в этнических новообразованиях Израиля и Нового Света, чтобы почувствовать, какою она была целностной, богатой и насыщенной. Уже было сказано, что не вся дюковская проза/поэзия отвечала представлениям о высокой литературе. Но она была проникнута такой пронзительной любовью к единственному, неповторимому, проклятому, святому и грешному одесскому дао, что хочется простить авторам и провалы вкуса, и отсутствие профессионального писательского навыка. Впрочем, конкурсные "Одесские романы" Ефима Ярошевского, "Памятник потерянной поколению Одессы" Вадима Ярилина, "Здесь все Европой дышит, вест..." Евгения Толубовского вошли в профессиональную литературную одесскую и по сей день находятся на книжной полке у автора этих строк.

Евгений Толубовский — особая глава этой одесской энциклопедии. На протяжении десятилетий он пишет наночастицу одесской богемы, перенимая булаву ни много ни мало от Валентина Катаева, автора Алмазного моего венца, создавшего город у моря вечный художественно-литературный чекан. Дай Бог Толубовскому литературного и всяческого прочего мастерства в прорисовке персонажей своего собственного "Одесского венца".

— Дюковцы, откликнитесь! Помните такого Сердюченко, входившего в состав вашего жюри и раздававшего вам кнуты и пряники из своего прикарпатского далека? Он еще жив, чего и вам желаю. И говорю снова заново место за "дюковским" столом. Говоря словами киноперсонажа знаменитого "Добро пожаловать, или Посторонний вход воспрещен", — Если на хорошее дело идете, возьмите и меня с собою, ребята!

В. Сердюченко
09.07.04

Ирина Хургина, Олег Губарь

Одесса-вестерн

210-летний юбилей Одессы не остался незамеченным и в первопрестольной: съемочная группа Первого российского канала снимает двухсерийный фильм о вечно юной Южной Пальмире. Сценарий написали известная московская журналистка с одесскими корнями Ирина Хургина и одессит Олег Губарь.

В роли ведущего снимается небезызвестный Леонид Якубович. В качестве костюмированных персонажей (де Рибас, де Волан, Ришелье, Кобле, Воронцов, Пушкин и др.) выступают популярные артисты театра и кино. Предлагаем вниманию наших читателей фрагменты сценария.

ПЕРВАЯ СЕРИЯ

ВОЗДУХ

(На заставку идут одесские "фишки" вперемешку с мультиплицированными 12 стульями. Стулья совершают всякие пируэты, выстраиваются в шеренгу, на них в ряд высаживаются разные мультипликационные силуэты — белый контур на черном поле. Обивка стульев лопаается, оттуда выскакивают пружины, как бы выталкивая одесские знаковые сюжеты — памятник Дюку, Потемкинская лестница, Оперный театр, Дума, пушка, Лакоон, Привоз, Староконный рынок на Молдаванке, дворик с галереями, дом с атлантами, порт, маяк, "Гамбринус".)

На экране возникает картина, знакомая нам по хрестоматийным американским вестернам. Степь. Пустошь. Дикое поле. По степи тащатся обозы, понурые лошади с не менее понурими седоками, кто-то, волоча свой нехитрый скарб, ковыляет в отдалении. Физиономии первопоселенцев являют собой достойное и весьма многоплановое зрелище. Здесь собраны все типажи, коими была столь богата Россия конца XVIII века, — и беглые крепостные, и бандиты с большой дороги, и ремесленники, и отставные офицеры, и беглые солдаты, и маркиз-танки, и обедневшие дворяне. Это те, кто решил попытать счастья и начать жизнь заново, на южной окраине империи, в неведомом доселе месте.

На экране уже разворачиваются батальные сцены — в ход идут пистолеты, ружья, которые долго и нудно перезаряжают, шпаги, ножи. Среди этих физиономий возникает выхваченный камерой лик Ведущего, который здесь сродни остальному сброду. Он как бы принимает в этом всем участие.

Затем он меняет облик; на фоне чудовищного безобразия появляется его фигура. На этот раз Ведущий одет как истинный денди конца XVIII — начала XIX веков. Опершись на трость, лихо подкрутив ус и указав жирненькой ручкой на то, что происходит у него за спиной, он говорит.

СТЕНДАП. Если вы думаете, что это покорение Дикого Запада, то, как говорят в Одессе, вы таки да правы. Именно так осуществлялось в самом конце XVIII века освоение земель Северного Причерноморья. В 1794 году это великое переселение народов переросло просто в эпидемию — тогда в захолустном месте, где раньше располагалась турецкая крепость Хаджибей, стали бесплатно раздавать земли под застройку. И именно тогда императрица Екатерина II издала указ об основании Одессы. С этого все и началось.

ЗАКАДР. Существуют привычные и растиражированные представления об Одессе, знакомые каждому с детства. (Идут кадры из "Броненосца Потемкина" с лестницей и коляской, кадры с Петей и Гавриком из "Белеет парус...", кадры празднования Юморины, Марк Бернес поет "Шаланды полные кефали...".)

СТЕНДАП (около акаций на бульваре с видом на море). Все это правда. Но не совсем голая. И не вся... Как в том старом анекдоте, где портретист, раздосадованный претензиями немолодой отцветшей красавицы, восклицает: "Так вы все-таки хотите быть красивой или похожей?".

Поэтому я и приглашаю вас на поиски разгадки тайны Одессы. "Да, что-то есть в этой нервной почве, рождающей музыкантов, шахматистов, художников, певцов, жуликов и бандитов, так ярко

живущих по обе стороны среднего образования!" Так сказал о своем родном городе Жванецкий.

ЗАКАДР (камера выхватывает "кусочки" города, дома, береговую линию со стороны моря). Так что же на самом деле есть в этой нервной почве? Как так получилось, что за какие-то несколько лет на отшибе Российской империи возник цветущий город европейского масштаба? То, что обычно складывалось столетиями, здесь спрессовалось в считанные годы. Что заставило Леонида Утесова воскликнуть: "Одесса — лучший город в мире!"?

СТЕНДАП (под цветущей акацией). Портретируя Одессу, мы пройдем вместе по самым удивительным, занимательным и аппетитным эпизодам одесской жизни за прошедшие 210 лет. Единственное, чем не смогу поделиться с вами, так это неповторимым одесским весенним ароматом. Хотя, может, Куприн поможет? "Какая-то щекошущая радость заключена в этом пряном благоухании, заставляющем раздуться ноздри и губы улыбаться. Так пахнет белая акация".

ЗАКАДР. Охота за разгадкой тайны Одессы на самом деле по жанру то же дело, которым с таким тщанием и оголтелостью занимались Остап Бендер и Киса Воробьянинов. Что ж, в поисках истинных брильянтов приступим к осмотру содержимого 12 стульев из гостинного гарнитура мадам Петуховой.

(Мультипликация — вспарывание об-

шивки стульев, пух, перья, пружины. Появляется голова Ведущего. Почтительно приподняв цилиндр, он произносит: "Итак, лед тронулся, господа присяжные заседатели!".)

ВОЗДУХ

На экране — Бронзовый стул в Одесском горсаду. Деловой походкой к нему подходит и усаживается костюмированный де Рибас. Гордо и независимо смотрит в камеру с видом "чего вам, товарищ?". С разных сторон к нему присоединяются приодетые к случаю де Волан, Ришелье, Ланжерон, Кобле. Они встают, как на старинной литографии, постепенно переходящей в фотографию. Начинают говорить между собой по-французски.

ЗАКАДР. (По ходу дела камера выхватывает сохранившиеся фрагменты памятника Екатерине II: ее бюст, скульптуры де Рибаса, де Волана и др.)

Вообще, это довольно темная история — был ли действительно указ Екатерины об основании Одессы. Во всяком случае, появление Одессы — результат головокружительной авантюры, в которой приняли участие, как сказали бы сейчас, "представители Евросоюза" — испанец адмирал Иосиф де Рибас, голландский военный инженер Франц де Волан, французы — герцог Арман де Ришелье и граф Луи де Ланжерон, шотландец, офицер Томас Кобле.

(Старинная литография-фотография постепенно преобразуется в фантомореску. На мгновение на экране появляется знаменитая одесская пушка, которая выстреливает стулом из гарнитура мастера Гамбса с номером 1... (Отбивка может быть и такой: на экране появляется рука Ведущего; он щелкает пальцами, и у него на ладони возникает стул с номером.) И тут же в фантомореске на месте головы де Рибаса возникает дырка, а сам он, отряхивая камзол, выходит из-за фотографии и обращается к зрителям.)

ДЕ РИБАС. СНХР. Адмирал Иосиф де Рибас не только принудил к капитуляции Измаил и взял штурмом турецкую крепость Хаджибей. Этот человек, что особенно приятно одесситам, использовал в весьма меркантильных целях свои, как смеют утверждать, вполне sentimentальные отношения с всецельной императрицей Екатериной. Де Рибас служил в Неаполитанской армии, откуда по протекции фаворита Екатерины графа Орлова перешел в русский флот. Это был истинный искатель приключений, эдакий "техасский рэйнджер", картежник и вертопрах. Сам Байрон воспел непобедимого адмирала в своем "Дон-Жуане", говоря о штурме Измаила:

"Де Рибас, морской герой, настаивал на штурме, но ему-то все возражали; спор кипел большой... Тем временем секретного курьера Светлейшему отправил де Рибас; Тот рассмотрел предложенные меры И подписал желаемый приказ".

ЗАКАДР. (Кадры с романтической иронической "подливой", например, с Жаном Рено в доспехах; кадры с балом у императрицы Екатерины; всякие греческие амфоры; страницы французской энциклопедии.)

Основание Одессы было осуществлением его романтических юношеских мечтаний — о рыцарских подвигах и о Даме Сердца. Этой Дамой стала для него Одесса. И на балу в Санкт-Петербурге де Рибас, этот "одесский гасконец", добился у Екатерины, как указывают мемуаристы, устного распоряжения, — официального указа по этому поводу так и не обнаружено. Там же он сообщил императрице, что при закладке зданий города находят древнегреческие сосуды и остатки построек, поскольку рядом располагался древний город Одесс.

Екатерине пришлось по вкусу это название, только в женском роде. Таким образом, на карте мира появилась Одесса, город, который благодаря невероятному

(Продолжение на 4-й стр.)

Одесса-вестерн

(Продолжение. Начало на 3-й стр.)

стечению обстоятельств, благодаря остроумию и дальновидности своих отцов-основателей уже через несколько лет значился во всех мировых энциклопедиях, — о нем знала не только Европа, но и ходили легенды по ту сторону океана.

(Из фантоморески тем же манером появляется интеллект и педант де Волан.)

ДЕ ВОЛАН. СНХР. Ближайший сподвижник де Рибаса, голландский военный инженер Франц де Волан, взялся за проектирование и строительство Одессы. Вообще, сама возможность осуществления этой фантастической идеи казалась им дерзким сном. Где-то на отшибе, на южной окраине империи, вдалеке от российской "казармы" эти безумные европейцы, находящиеся на российской военной службе, строили свободный город, Город Солнца. Эта ситуация очень напоминала ту, что сложи-

лась в романтическую эпоху Дикого Запада на американском континенте. Люди, пришедшие сюда, сталкивались с теми же трудностями, что и их заокеанские собратья — засуха, отсутствие пресной воды, топлива и строительных материалов, постоянная военная угроза, смертоносные инфекции. Все это разбивалось о то, что зовется жизнестойкостью покорителей новых земель, тех, кого именуют "волевой накипью народов".

ЗАКАДР (с панорамой Одессы сверху, в плане). Франц де Волан строил Одессу по разработанному им генеральному плану. План этот был превосходен, поскольку гениально прост. Это были прямые, прямо перпендикулярные друг другу улицы, направление которых выбиралось в соответствии с глубокими естественными балками. Таким образом, эти балки становились спусками с высокого берега в порт, и все улицы, в конце концов, приводили к морю. Проще говоря, Одесса уселась на это плато и свесила ноги в Черное море!

(Возникает пушка, которая выстреливает гамбсовским стулом под номером 2.)

ЗАКАДР. (Несколько видов порта; старинные литографии с теми же видами; утомленный жизнью и солнцем волтажит нечто, напоминающее плуг, который делает глубокую кривую борозду; литографии с домом Волконского; портрет Волконского при параде; камера выхватывает дома с табличками "Дерибасовская", затем "Ланжероновская" и "Ришельевская".)

2 сентября 1794 года были забиты первые причальные сваи в порту, проведена символическая борозда на городской земле. И, как свидетельствуют проведенные в 1995 году раскопки, день этот сопровождался Ритуалом основания города. На пересечении будущих улиц Ланжероновской и Ришельевской состоялась закладка самого первого одесского жилого дома, который принадлежал главному военному начальнику региона князю Волконскому, отцу знаменитого декабриста.

СТЕНДАП. (На пустыре де Рибас, де Волан и Волконский опорожняют бокалы с вином, разбивают их оземь и закладывают под будущий фундамент дома. Крадучись, к ним приближается Ведущий, который "на пионерском расстоянии", стараясь не мешать, все же откровенно любопытствует и пытается объяснить зрителю, что к чему.)

Де Рибас, де Волан и Волконский распили праздничную бутылку вина, а затем разбили ее и дорогие, изящной работы, хрустальные кубки на высоких ножках о закладные камни. Первый одесский дом простоял три четверти века. Чего и кого он только не повидал... В его стенах бывали Александр I и Николай I, Ришелье и Ланжерон, Пушкин и Воронцов, Вяземский и Раевский, Липранди и Морали. Наверху собирались биллярдисты, а в цокольном этаже — картежники, поощряемые к азартным играм... городским полицеймейстером Шостаком, большим любителем "пестрого фараона". Случалось, ездовые гастролеры-шулера за вечер брали здесь состояние. Нашелся "артист", рискнувший облапошить самого полицеймейстера, но тот быстро вычислил наглеца, какового по традиции изрядно отметили канделябрами.

ЗАКАДР (в скверике около Оперного театра лайф с "группой четырех"). Фрагменты ритуальных сосудов, хрустального подноса, бутылки и даже пробки были обнаружены археологами в закладной траншее. Здесь же оказалась и монета с вензелем императрицы, по традиции заложная под угол здания. В обряде этом присутствуют элементы масонства; тогда-то оно еще не было под запретом, и многие вельможи и офицеры состояли в масонских ложах.

Почти десять лет минуло с тех пор, как компания одержимых одесситов под предводительством профессора археологии Андрея Добролюбского и президента Клуба городских сумасшедших иже краеведа Олега Губаря начали здесь раскопки. И они таки нашли и подтвердили свою сенсационную догадку! Отсюда пошла Одесса!

АНДРЕЙ ДОБРОЛЮБСКИЙ СНХР. ВЛАДИМИР НОСЫРЕВ. СНХР. СЕРГЕЙ МАЕВСКИЙ. СНХР. ОЛЕГ ГУБАРЬ. СНХР.

(Синхроны перемежаются хроникой раскопок 1995 г.)

(Из пушки вылетает вещь типа табуретки с надписью "Приставной стул".)

ЗАКАДР. (Пыльные улочки, двухэтажные неказистые домишки. Затем возникает зимнее поле, обоз в сопровождении конных офицеров. По ходу дела появляются два варианта памятника апельсину в Одессе — скульпторов А. Князика и А. Токарева.)

С момента основания Одессы прошло чуть больше пяти лет. При таинственных обстоятельствах в расцвете лет погибает отозванный в Петербург де Рибас, умирает Екатерина II. Юная Одесса, как и все екатерининские проекты, при Павле практически брошена на произвол судьбы. Нет обещанных инвестиций, не продвигается строительство. Но тихая и

бездвременная кончина не в характере этого города. Именитые купцы, посоветовавшись, принимают решение: отправить в Петербург в подарок императору Павлу обоз с тремя тысячами померанцев, как говорили тогда. А попросту, дать ему взятку диковинными по тем временам апельсинами. Была зима, одесские негодяны умели хранить фрукты. Укутав хорошенько свое драгоценное подношение, они отправляют в Петербург обоз в сопровождении греческого офицера Роксомати. И что же? Не в первый и не в последний раз в России испытанный механизм сработал! Павел обратил благосклонный взгляд в сторону далекой южной окраины, и денежный поток устремился к берегам Черного моря. А с 1803 года начался "золотой век" Одессы, когда ее градоначальником был назначен герцог Арман де Ришелье, как и многие французские аристократы оказавшийся на русской службе в годы Французской революции.

(Пушка выстреливает стулом с цифрой 3.)

СТЕНДАП. (Идя по Екатерининской; Дюк, бульвар, море, порт в перспективе. Из кармана камзола достает и показывает на ладони маленькую фигурку Дюка.) Герцог де Ришелье — "домашний" герцог одесситов, которого они за просто и любовно именуют Дюк. Никто не сделал для Одессы столько, сколько Ришелье за 11 лет своего губернаторства. Он был близок к Александру Первому и мог получить любое престижное назначение, но сам выбрал для себя занюханную Одессу. Он просто прорубил окно в Европу с юга. Ришелье был удивительным человеком, соединявшим в себе редкие для высокопоставленного чиновника качества — гуманность и культурность. Основной лозунг Дюка: "Не будем слишком регулировать". Его рабочий день продолжался 17 часов, всю деловую переписку на разных языках он вел сам и за свой счет содержал канцелярию. Дюк отдал все свои деньги на создание в Одессе лицея, второго в России после Царскосельского, который стал впоследствии знаменитым Ришельевским лицеем.

ЗАКАДР. (Портреты Ришелье, старинные литографии, в том числе, с лавками, базарами, кадры Привоза.) Герцог де Ришелье дал Одессе славу ведущего мирового хлебного экспортера, превратил степной городишко в цветущий средиземноморский мегаполис. Это он помог обустроиться в Одессе колонистам-агряриям из Германии, Франции, Швейцарии. И именно благодаря ему мы теперь, приходя на Привоз, можем отведать вкуснейшую домашнюю колбаску, кровяночку, копченое мясо, брынзочку, равных которым вы не встретите ни в одном супермаркете мира. Потому что это все настоящее, как говорят в Одессе, "базарное". Дюк, в отличие от своих предшественников, не был авантюристом. Он поддерживал все, что лет воду на мельницу государственной машины. Он не выдумал порто-франко — он просто "подобрал" его в беседах с местными коммерсантами и придал этому надлежащую форму, воплощенную в жизнь его преемником, Ланжероном. В течение 40 лет эпохи порто-франко, иными словами, "свободного порта", Одесса была самым дешевым городом в империи.

СТЕНДАП. (В Дюковском саду среди райских кущей. В отдалении, как бы пунктиром, проходит юная "пейзанка" со снопом.)

Ришелье был очень озабочен озеленением города и специально выписывал саженцы из Европы, трогательно следил буквально за каждым деревом. На своей даче, которая теперь носит название Дюковский сад, разводил разнообразные деревья, кустарники, цветы. Однажды, чуть свет, он повстречал там прелестьную "пейзанку", которая "уже успела нажать значительную кучу клевера". Градоначальник умилился настолько, что одарил трудолюбивую красотку серебряным рублем. На что управляющий его хутором в сердцах заметил: "Я все лето стараюсь изловить эту мерзавку, кото-

рая каждую ночь что-нибудь тащит с поля, а вы ей за это приплачиваете!".

(На экране снова возникает фантомореска. Из-за нее выходит Ришелье, облаченный в тогу и со свитком в руке. Подходит к стулу и примачивается на уголочке.)

ДЕ РИШЕЛЬЕ. СНХР. Приехав в Одессу, герцог Ришелье не нашел и полудюжины стульев для своего дома, ему пришлось выписать их из Херсона. Он сразу пригласил в Одессу столяров, французского булочника, оптиков и часовщиков из Германии, для одесских дам француз Пишон открыл фабрику пудры, швейцарец Тардан наладил виноделие, — история знаменитых одесских шабских вин началась еще тогда. Он поддерживал любое начинание, которое могло быть полезным торговому городу — создание коммерческих банков, страховых обществ, морских транспортных контор. Конечно, Дюк был истинным французским аристократом. Поэтому он не сразу смог освоиться с некоторыми местными привычками. Приехав в Одессу, он собрал у себя представителей магистрата, купцов, именитых людей. И как человек пунктуальный, выставил на стол часы. Через некоторое время погасла свеча, а когда ее снова зажгли, часов на столе не оказалось. Ришелье, как воспитанный человек, сказал: "Я думаю, кто-то пошутил или совершил ошибку. Сейчас мы снова погасим свечу, и я думаю, часы окажутся на прежнем месте". Свечу погасили. Но часы не появились. Более того, невозможно было зажечь свечу, потому что украли еще и серебряный канделябр.

СТЕНДАП (у памятника Дюку; осмотр со всех сторон). Да, характер города выковывался в непростых условиях. И именно поэтому первым памятником в Одессе стал памятник Дюку. Сооружен он был при губернаторстве графа Воронцова, и как всякое любимое детище, оброс разными легендами и анекдотами. Общественность всегда интересовал сакраментальный вопрос о том, что же конкретно наблюдается "у Дюка с люка". (Демонстрируется соответствующий ракурс.) Но что более всего занимало умы, так это: почему, пускай и французский аристократ, но вполне цивилизованный человек вдруг бродит по городу в одежде городского сумасшедшего? Лев Славин и вовсе утверждал, что герцог Ришелье "стоит на бульваре в нижнем белье древнеримского образца". Существует мнение, что граф Воронцов просто ревновал к славе своего предшественника. Вот и вырядил его эдаким фантомом.

ЗАКАДР (панорама двора Литмузея, место ночлежки). Пытливые одесситы все-таки не могут оставить эту загадку неразрешенной. Дворик одесского Литературного музея означает не только то, что здесь находилась та самая ночлежка, столь романтически воспетая главным орнитологом революции — буреви́стником Максимом Горьким в пьесе "На дне". Именно здесь располагается единственная в своем роде экспозиция современной иронической скульптуры, и каждый год 1 Апреля, на Юморину, благодаря создателю этого сада скульптур Леониду Липтуге, во дворе Литмузея появляется новый памятник. Началось все почти десять лет назад, когда Резо Габриадзе открыл здесь памятник герою одесских анекдотов Рабиновичу. В этом году Леонид Липтуга и Олег Губарь презентовали Джинсового Дюка под лозунгом "Торжественное закрытие Америки".

ОЛЕГ ГУБАРЬ. СНХР. ЛЕОНИД ЛИПТУГА. СНХР. (Синхроны перемежаются съемками с открытия памятника Джинсовому Дюку.)

(Из пушки выскакивает стул № 4.)

ЗАКАДР. (На экране — памятник Воронцову, виды города, каким он был при нем; пушкинские профили на страницах рукописей.)

Если исключить дворик Литмузея, в Одессе вообще очень мало памятников. Одесса очень избирательна. Она сама по себе памятник, так считают одесситы. В городе, который называли Южной Пальмирой, до 1863 года был только один монумент, не считая кладбищенских. Вторым стал памятник графу Воронцову. Потому что Воронцов более чем за двадцать лет правления Одессой успел реализовать все то, что было заложено его европейскими предшественниками. Он попросту был на своем месте. Раненый под Бородино и воспетый Жуковским "храбрый Воронцов". Много

ли мы о нем знаем?.. Вся его многолетняя самоотверженная деятельность на благо молодого, удивительного города, мягко говоря, пошла коту под хвост из-за одной-единственной ядовитой пушкинской эпиграммы. Что до Пушкина, так он был для генерал-губернатора просто-напросто пятым колесом в телеге, приписанным к его парадии диссидентом, компрометирующим фактором, от которого он, подобно партийному секретарю областного масштаба, стремился вполне гуманно и легально избавиться. Только и всего. Как написал знаменитый одесский поэт Юрий Михайлик:

"Есть в городе моем среди диковин одна, которой я обеспокоен: в Одессе конных памятников нет. ...Незанятое лошадьми пространство — места, где бродят тени вольтерьянства..."

СТЕНДАП (около арки Ланжерона). Вообще, до эпохи исторического материализма, как говаривал незабвенный Остап Бендер, Одесса была везучим городом. У нее были очень хорошие правители, и притом большие оригиналы. Например, граф Ланжерон славился своей выдающейся рассеянностью. Когда Александр I впервые посетил Одессу, он остановился у Ланжерона, а тот по хронической забывчивости запер его на ключ, отправившись утром на службу. Таким образом, бедный император просидел под домашним арестом чуть ли не весь день. Такие истории гораздо больше ласкают слух общественности, нежели эпизоды блестящей военной биографии графа Ланжерона, участника войны за независимость Соединенных Штатов.

ЗАКАДР. (По ходу камера движется вдоль улиц Ланжероновской и Коблевской, на экране — таблички с названиями, Строгановский мост, литография с соответствующей надписью, портреты Ланжерона, Кобле, Строганова, Зонтага.)

Американец Георг Зонтаг, начальник Одесского порта, по сути, был "джентльменом удачи" — близкий друг известного англomана и одесского генерал-губернатора графа Воронцова, он во время англо-американской войны был подлинным капером и топил английские суда. Живя в Одессе, Зонтаг женился на племяннице Василия Андреевича Жуковского и собрал единственную в городе библиотеку американской литературы. Когда вошедшее в одесскую гавань судно "Успех" село на мель, и "консилиум" специалистов не дал никакого результата, Зонтаг лично встал к штурвалу, и, уложив судно на бок, стащил его с мели и привел к причалу. "Да, были люди в наше время..." Как принято говорить, таких уже не делают. Например, военный комендант Одессы шотландец Томас Кобле влюбился с первого взгляда в молодую казачку. Не владея "великим и могучим", Кобле все же сумел найти общий язык с предметом своей страсти. Он попросту украл невесту в лучших традициях "Кавказской пленницы", посадил ее впереди себя на коня и скакал до первой попавшейся церкви, где они и обвенчались.

(Из пушки влетает стул № 5.)

СТЕНДАП (в кафе "Фанкони"). Как парадоксально сочетаются в одесском характере энергичность и авантюризм, напористость и авантюризм, смелость и нахальство. Возьмем того же графа Строганова, одесского генерал-губернатора. Этот хам-аристократ, проживший в Одессе четыре десятилетия, являл собой то, что классики марксизма называли бы "единством и борьбой противоположностей". Через Одессу, прямиком из Лондона, ввозили в Россию "Колокол" Герцена, а Строганов делал вид, что этого не замечает и, более того, втайне собрал полную подшивку запрещенного журнала, которая теперь хранится в Научной библиотеке Одесского госуниверситета, к созданию которого он, кстати, тоже приложил руку. Но в историю он вошел вовсе не потому. А исключительно из-за своего поистине исключительного самолюбства. Это ведь он, Строганов, как-то потребовал, чтобы повара приготовили ему расчлененный ростбиф, и по этому недоразумению в кулинарии объявилось невиданное до той поры блюдо — бефстроганов. Потакая кулинарной фантазии высокогородного сумасброда, в одесских элитарных кафе-ресторанах издавна научились готовить феноменальный бефстроганов. Лучше всего это блюдо получалось в знаменитом кафе Робина, каковая традиция на долгие годы сохранилась в наследовавшем этому заведению советском ресторане "Украина".

ЗАКАДР. (Портрет Строганова, Ческини, виды не мощеных одесских улиц на литографиях; затем "американские горки" наших дней, мощеные старые улицы; каменные цистерны во дворах, современные одесситы, отягощенные ведрами, канистрами, бутылками, осаждают гидрогеологические бюветы.)

Строганов был влюблен в некую графиню Ческини, светскую красавицу, жену итальянского консула. В Одессе той поры мощеные улицы, мягко говоря, оставляло желать лучшего, и как-то раз Ческини прилюдно высказала свое недовольство: мол, ночью, когда возвращаешься с какого-нибудь журфикса, обязательно попадешь в непролазную грязь. Строптивый губернатор тут же парировал: "Порядочные дамы по ночам сидят дома!". С тех пор минуло полтора столетия, но проблема дорог, вернее, их отсутствия, в Южной Пальмире стойко охраняется государством. Единственные дороги, по которым можно перемещаться, не чувствуя себя коктейлем в шейкере, это те булыжные и лавовые мостовые, что были уложены еще в третьей четверти позапрошлого столетия. Лавовые плиты завозились в Одессу предпринимчивыми итальянскими negociantami в качестве балласта судов и, наряду с одесским ракушечником, добываемым в катакомбах, стали одним из основных строительных материалов. Не лучше во все времена, включая нынешние, обстояло и дело с водой. Когда-то в одесских дворах устраивались цистерны, куда собирали мягкую дождевую воду, чтобы было чем помыться. Сегодня город наводнился бюветами, где горожане бесплатно зачерпывают подземные воды. И эти обстоятельства, хотя и не только они, некоторым образом отличают овеществление американской мечты от мечты одесской.

СТЕНДАП. (На Дерибасовской, со старинной книгой в руках.)

Такой наблюдательный писатель как Марк Твен не мог обойти вниманием столь любопытный факт. В 1867 году он писал: "Я давно не чувствовал себя так дома, как в Одессе. Она имеет вид со-

вершенно американского города; прекрасные, широкие, прямые улицы; низкие дома (в два или три этажа), просторные, чистые, свободные от всяких архитектурных украшений; гороховые деревья (их называют здесь акацией) окаймляют тротуары; улицы и магазины имеют суетливый и деловитый вид... Тут ничего не напоминало нам, что мы в России. Но когда мы, пройдя немного дальше по улице, увидели странной архитектуры церковь, а потом извозчика в какой-то длинной юбке — иллюзия исчезла!". Смешение всего и вся — такой была Одесса середины XIX века. Польский романист Юзеф Крашевский утверждал, что многоязыкий гомон на одесских улицах "подобен разговорам у подножия башни Вавилонской". Ну что, попробуем? (Вступает в беседу с тетечкой, торгующей на углу цветами, с дядечкой, который взвешивает проходящего человека, в общем, общается с народом.) Да, это уже потомки тех, кого живописал побывавший в Одессе "польский Вальтер Скотт".

ЗАКАДР. (Возникают кадры красочной, разноплеменной, костюмированной толпы; затем камера выхватывает какие-то городские "кусочки" — дворы, входы во дворы, общающихся горожан, двор Заменгофа с мраморной головой.)

"Здесь можно увидеть представителей всяких народов, начиная от неопрятного турка до итальянца с длинными черными волосами, грека в пунцовой феске, караима, в татарском своем наряде прохаживающегося по улице, и до европейца, которому скроили платье наимодежнее портные в Одессе... Тут видишь русско-го с длинной темной бородой и в сарафане допетровских времен, далее — грека албанского в белой юбке..."

Еще задолго до того, как Одессу возвели в ранг "маленького Парижа", она говорила не столько по-французски, сколько по-итальянски. Язык Петрарки и Данте в это время служил утилитарному общению коммерческих людей всего Средиземноморья. Но постепенно

(Продолжение на 6-й стр.)

Одесса-вестерн

(Продолжение. Начало на 3-й стр.)

Одесса заговорила по-иному. Вобрала самые сочные, звучные, вкусные слова дюжины языков, она внедрила их в русский, руководствуясь собственными представлениями о грамматических нормах, и создала эдакий винегрет — неповторимый одесский язык. Как писал Влас Дорошевич: "Одесский язык, начиненный языками всего мира, приготовленный по-гречески, с польским соусом". И может быть, именно поэтому в Одессе родился изобретатель языка эсперанто Заменгоф.

М. ЖВАНЕЦКИЙ. СНХР. (Об одесском языке и способе мышления.)

(Из пушки выскакивает стул № 6.)

СТЕНДАП (с балкончика дома, где раньше был дом с отелем Рено). В начале своей жизни Одесса была и, как ни странно, остается и сейчас типичным средиземноморским городом — меркантильным, пряным, этнически пестрым. Такой увидел и бескорыстно полюбил ее Пушкин:

"Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали".

А кто же будет этот самый "корсар в отставке"? В мемуарах близкого друга Пушкина можно отыскать один прелюбопытный эпизод. Зайдя как-то в отель Рено, он застал Пушкина сидящим на коленях у Морали. При этом они довольно хихикали и щекотали друг друга. Пушкин говорил об этом мавре-великане: "У меня лежит к нему душа. Кто знает, может быть, наши предки были близкой родней?".

ЗАКАДР. (На фоне изобразительной одесской пушкинианы. Рисунки Пушкина одесской поры, живопись, портрет Морали; экспозиция Одесского пушкинского музея.)

Любимец Пушкина, Морали, идеально вписывался в одесский контекст, аккумулируя в себе присущие юному городу характерные черты, прежде всего, экзотичность и здоровый авантюризм. Как говорят, он был благородным пиратом, наподобие героев Рафаэля Сабатини, и даже помогал греческим инсургентам в их борьбе за освобождение от османского владычества. Пиратство и ка-

перство на Черном и Средиземном морях процветало тогда точно так же, как в Карибском море во времена Фрэнсиса Дрейка. Некоторым одесским судовладельцам волей-неволей приходилось по совместительству исполнять обязанности контрабандистов и морских разбойников, хотя бы в порядке самообороны. Однако смежная эта специальность не повредила отношениям Пушкина и Морали, который, судя по всему, предлагал поэту планы бегства из России, когда было получено предписание спроводить поэта в Псковскую губернию, под надзор родителей и полиции.

СТЕНДАП (на Ришельевской улице). Пушкин, как и многие его собраты по перу, совершенно замечательно проводил время в Одессе. Даже когда его по службе отправили на борьбу с саранчой, он все это время прокутил в ближайшем имении, а вернувшись, как теперь бы сказали, из командировки, написал вместо отчета: саранча летела, села, все съела и опять улетила. Живя в отеле Рено, он часто ездил с дамами на дачу барона Рено на теперешнем Французском бульваре, и одесские извозчики нередко возили его в долг. Барон Жан Рено был одним из ближайших сподвижников Ришелье.

ЗАКАДР. (Французский бульвар, особняк Рено; семейные портреты семьи Рено.)

Особняк баронов Рено, откуда в 1920 году его потомки были вынуждены бежать в Константинополь, как ни странно, сохранился. До сих пор баронесса Елена Швахгейм-Рено, праправнучка знаменитого пушкинского знакомого, помнит страшные картины тех "окаянных дней". Больше 80 лет она прожила за границей, в основном, в Соединенных Штатах. Год назад Елена Сергеевна вернулась в Одессу и поселилась в маленьком домике, который снимает на 11 станции Большого Фонтана, легендарном одесском дачном месте.

ЕЛЕНА ШВАХГЕЙМ-РЕНО. СНХР.

ЗАКАДР. (Жанровые литографии, "обмен валют", затем здание Биржи (Филармонии).)

Барон Жан Рено, деловой человек и меценат, устроил первую в Одессе огромную залу для балов и собраний. Здесь собиралась биржа, которая сначала состояла из менял, восседающих за столиками возле казино. В юном городе был острый дефицит разменной монеты

— здесь менялы и приходили на выручку горожанам, принимая у разношерстной и разноплеменной толпы франки и фунты, лиры и пиастры, выдавая взамен российские рубли. В общем, настоящий прообраз наших "обменников". Они, собственно, и начинали банковское дело в Одессе, обросшее затем знаменитыми на весь мир банкирскими домами Ашкенази, Рафаловичей, Ротшильдов. Настоящая биржа в Одессе открылась еще в 1796 году, даже раньше Нью-Йоркской! Новое же здание одесской биржи, построенное в мавританском стиле, было специально спроектировано акустически так, чтобы "тушить" звук — биржевые маклеры, ведущие секретный разговор, не слышали бесед коллег в двух шагах от себя. Теперь здесь располагается Одесская филармония. Слушайте сюда, как говорят в Одессе!

СТЕНДАП (сначала в Оперном театре, в зале, в фойе). Акустика Филармонии и акустика Одесского оперного театра это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Торговая элита юной Одессы — выходцы из Италии, Франции, Греции — строили город, что называется, "под себя", а это предполагало наличие не только биржи, коммерческого суда и кофеен, но и, конечно, Оперы. Первое здание Оперы, где, как сказали бы сейчас, бывали все "звезды" одесской истории начала XIX века, все наши герои, сгорело в ночь на 2 января 1873 года, и лишь 15 лет спустя была отстроена новая, знаменитая на весь мир прекрасная и совершенная в своей эклектичности "бонбоньерка" одесской Оперы. Уж который год здание на реставрации, и по городу ходят страшные слухи о том, что Опера вместе с Приморским бульваром, бронзовым Дюком и Потемкинской лестницей элегантно сползает в море. Слухи эти сильно преувеличены, но одновременно оправданы, поскольку одесситы безумно любят свой оперный театр, трогательно заботятся о его судьбе, это для них что-то очень домашнее и родное, без чего нельзя, — наподобие Дюка, Большого Фонтана или "Привоза".

(Выходит из Оперы, садится на извозчика.) Вообще, музыка в жизни Одессы играет абсолютно особую роль, и об этом мы еще обязательно поговорим. Но все начиналось именно с оперы, которая в быту такого типично средиземноморского города, как Одесса, стала просто незаменимым средством коммуникации. И поэтому даже темпераментные одесские извозчики назубок знали кантилены Россини и Чимарозы, по ходу поездки

развлекали своих седоков ариями из популярных опер!

(Уезжает на извозчике, они вместе поют арию Фигаро.)

Конец первой серии

ВТОРАЯ СЕРИЯ

ВОЗДУХ

(На заставку идут те же одесские "фишки", кувыркающиеся стулья, пружины, пух, перья, мультипликационные силуэты, в общем, тот же "компот", что и в начале Первой серии. Затем на экране возникает экипаж, который умчал Ведущего в даль светлую в конце Первой серии. Они возвращаются, но в режиме "обратной съемки". На бешеных скоростях пролетают мимо оперного театра и резко притормаживают у бульвара, около памятника Пушкину. (Другой вариант: экипаж с Ведущим мчится к бульвару, но обычным, "традиционным" способом.) Ведущий выскакивает из коляски, дружески похлопывает извозчика по плечу и оборачивается к зрителю. Теперь он одет иначе — это костюм франта начала XX века. Он в полосатых брюках, шортке, штiblетах; жилет с цепочкой от часов туго обтягивает животик; на голове — канотье, подмышкой — легкая тросточка. Он одергивает жилетку, приглаживает усы и с достоинством дефилирует мимо памятника Пушкину к пушке, напевая себе под нос арию Фигаро, которую "не допел" в конце Первой серии. Обрывает себя на полуслове и, словно продолжая начатый разговор, указав рукой с тросточкой на то, что видно вокруг, — море, классическая аллея бульвара, колоннада мэрии, особняки — несколько ворчливо изрекает.)

СТЕНДАП. Одесса, этот "маленький Париж", всегда вызывала раздражение имперской власти своим космополитизмом. И к тому были весьма серьезные основания. Как говорят в Одессе, "что мы имеем на этой интересной картинке"? Это знаменитая пушка, около которой обязательно отмечаются все одесские молодожены. А почему? Потому что существует поверье, будто пушка непременно выстрелит, если к ней прикоснется целомудренная девушка. Юные создания все ходят, а пушка-то все молчит... А какого происхождения этот знаменитый одесский символ? Им мало того, что в самом центре города вместо милого сердцу монумента с кепкой у них тут стоит французский герцог с каким-то подозрительным свитком в руке. У них еще и мерилон добродетели стала пушка, как бы сейчас сказали, "английской национальности"!

(Возникает пушка, которая выстреливает стулом под номером 7.)

ЗАКАДР. (Кадры из фильмов, рассказывающих о Крымской войне; может быть, английская морская эскадра из старого фильма "Леди Гамильтон"; старые карты Крыма, Черноморского побережья, Одессы; литографии Одессы времен Крымской войны, усатые канониры батареи Щеголева. Памятник Дюку — застрявшее ядро. Пушки палят, ядра летают. Затем — хроника оккупации Одессы; страницы из альбома М. Пойзнера "Одесса: 1941-1944 гг.")

10 апреля 1854 года. Разгар Крымской войны. Англо-французский союзный флот подошел к Одессе. На самом деле никто не собирался на нее нападать — это был просто отвлекающий маневр перед главной операцией в Крыму. Но темпераментные одесситы панически бросились собирать вещи. Война, кому это надо?! А вся война, собственно говоря, длилась один день. Объединенному союзному флоту из тридцати новейших судов, по сути, противостоял 20-летний прапорщик Щеголев со своей инвалидной командой и четырьмя старыми пушками, лет 20 прослужившими причальными тумбами в порту. Бомбардировка продолжалась до вечера, ядра сыпались как горох — в одном из домов упавшая бомба закрутилась на кровати в простыню и была сохранена потом как реликвия; снаряды попали во дворцы Ворон-

цовых и Нарышкиных. Одно из ядер застреляно в памятнике Дюку. Но, в общем, никаких серьезных разрушений в Одессе не было. Как странно все перекрещивается и повторяется в истории. Ровно через 90 лет, 10 апреля 1944 года Одесса была освобождена от оккупантов. Пройдя через гестапо, румынскую сигуранцу, гетто, жесточайший геноцид и подполье в катакомбах, одесситы выстояли. И снова бомбардировки мало изменили неповторимый облик Одессы.

МИХАИЛ ПОЙЗНЕР. СНХР. (Об оккупации, катакомбах, мифе о "подземной" Одессе, Пете и Гаврике из "Белеет парус одинокий...".)

СТЕНДАП (на Фонтане, на обрыве, у моря). В составе союзного флота, который 150 лет тому назад выписывал разные фортели в одесской гавани и так напугал мирных и веселых одесситов, был пароход-фрегат английских гардемарин "Тигр". Совершая очередной маневр в районе Большого Фонтана, как раз напротив дачи городского головы Джеймса Кортаджи, по иронии судьбы известного англомана, фрегат сел на камни. А надо сказать, что на его борту был весь юный цвет британской аристократии, дети всяческих лордов, пэров и сэров. Туман, в котором заблудился "Тигр", оказался отнюдь не лондонским. Это был настоящий одесский гоголь-могиль, который в наши дни парализует уже воздушные суда. В общем, благодаря во все времена непредсказуемым погодным условиям, эти английские молодцы попали в плен. Их путь в город лежал мимо Крепостного, впоследствии Александровского, сада, где устраивались пасхальные гуляния и где как раз устанавливали столбы для качелей. Решив, что это виселицы, молодые пленники разрыдались и трогательно взмолились о пощаде. А сердобольные одесситы, сдерживая смех, бросились их утешать.

ЗАКАДР. (Кадры с балами, раутами; галантные кавалеры — офицеры церемонно беседуют с дамами; затем сувенирные лавочки, мелкие лотошники на улицах.)

Неповешенные гардемаринки очень скоро ощутили, как замечательно находиться в плену в таком свободном экзотическом городе. Одесса уже тогда была начисто лишена предрассудков. Англичан наперебой приглашали во все лучшие и не лучшие дома, сватали за них аппетитных одесских невест, кормили и поили до отвала, как здесь было принято всегда. В Одессе ведь не выходят из-за стола, а отползают в гастроэнтерологических конвульсиях под крики хозяйки: "Ну что вы так мало кушали! Или тут было, что кушать!". Гардемаринки попросту отказались уезжать из Одессы и возвращаться к своей овсянке, строгим поджарым леги и тонкому английскому юмору. Дело кончилось тем, что их пришлось интернировать как военнопленных. А предприимчивые одесские торговцы еще долго продавали сувениры — портсигары, шкатулки, — сделанные из досок погибшего фрегата "Тигр". А спустя 50 лет, в начале XX века, надумали поднять с затонувшего корабля пушку и установить ее на бульваре "На страхе гостей". А почему бы и нет?

(Пушка выстреливает стулом под № 8.)

ЗАКАДР. (Торговые суда в порту; кадры из старых фильмов с военными кораблями на рейде, с расчехленными орудиями — блокада, одним словом; наши негодянты в Европе второй половины XIX века.)

Но одно из следствий Крымской войны оказалось для Одессы подлинно драматическим. Буквально в одночасье она лишилась короны мирового хлебного экспортера. В течение трех лет были блокированы все проливы, а соответственно, и вывоз зерна. Свято место пусто не бывает. Европа обратила свой взгляд в другую сторону и в очередной раз открыла Америку, которая быстро "обогнала по мясу и молоку" изолированную Одессу. А крупные одесские хлеботорговцы оказались на грани разорения. Впрочем, они не стали дожидаться тихой смерти в своем вишневом саду, но, как люди действия, ринулись в Европу — на розыски кредитов и новых, как теперь принято говорить, бизнес-партнеров.

СТЕНДАП. (На Соборной площади; затем пересекает площадь, идет к дому Папудова; останавливается около футбольных фанатов.)

Это Соборная площадь. У нее есть три основные приметы: здесь стоит недавно воссозданный Преображенский собор,

здесь в любую погоду и при любой политической ситуации собираются одесские футбольные фанаты — современные "пикейные жилеты", и здесь стоит дом знаменитого одесского негодяна Константина Папудова. По одесским масштабам строение колоссальное: здесь помещались хлебные амбары, затем — роскошные апартаменты самих Папудовых, а другая часть здания сдавалась в аренду, как доходный дом — и именно здесь жила и умерла звезда немого кинематографа Вера Холодная. Интересно, что обо всем этом думают завсегдатаи Соборки? (Подходит к плотной кучке футбольных фанатов и вступает с ними в беседу.)

ЗАКАДР. (Фасад дома Папудова, старые фотографии дома, двери этого дома, портреты Папудова, его жены Ариадны, барона Ротшильда; кадры старого Парижа, Елисейские поля, особняки, двери с росписями Ватто; хлебные амбары, мельница, зерно золотым ручьем течет сквозь пальцы.)

У Константина Папудова была молодая жена, гречанка Ариадна Севастопуло, слышавшая первой одесской красавицей. С нею вместе он и отправился в Париж. И было это весьма дальновидным поступком. Во-первых, Папудову удалось получить кредиты и восстановить капитал, как утверждают, благодаря красоте и обаянию своей юной жены. Во-вторых, всему этому сопутствовала одна дивная романтическая история с осязательным одесским акцентом. В Париже несравненная мадам Папудова, кроме всего прочего, давала сольные вокальные концерты в светских салонах. И вот тогда ее увидел, услышал и без памяти влюбился молодой, но уже весьма не бедный барон Эдуард Ротшильд. В качестве свидетеля неподдельной страсти он преподнес ей в подарок особняк де Саганов на Елисейских полях, который приобрел по случаю. Случаем была революция, которая может разорить даже французских аристократов. Радует истинно одесская предприимчивость наших героев: подарок был не только с радостью принят, но и частично отправился следом за новой хозяйкой.

СТЕНДАП (около дома Папудова).

Возвращаясь из Парижа в Одессу, Папудовы прихватили с собой девять дверей из особняка Саганов, расписанных Антуаном Ватто и представляющих невероятную ценность. Не французам же их оставлять, в самом деле, они еще какую-нибудь революцию затеют... Спустя годы, когда дочь Папудовых вышла замуж, она решила увезти двери Ватто в качестве приданого с собой в Петербург. Из Южной Пальмиры в Северную. И установили их в особняке на Каменном острове. В 1910-е годы в Петербург приехали

парижские антиквары. За бешеные деньги они выкупили двери Ватто и вернули на "историческую родину". И прямо скажем, очень своевременно. Эти двери с изысканными красочными миниатюрами распахивались перед напудренными париками французских вельмож, затем перед напыщенным одесским купечеством, потом перед высшим светом Петербурга... Кто хлопает ими теперь?

ЗАКАДР. (Кадры маскарадов, балов; камера "проезжает" по особнякам одесской знати, дому Фальц-Фейнов с атлантами; портрет Маразли, портреты Папудовой, супруги Наполеона III, Сары Бернар; затем аллеи дачи Маразли (санаторий Чкалова), античные статуи.)

Во все времена Одесса умела развлекаться с размахом. На балы и маскарады, которые устраивались в огромном доме Папудовых, приглашалось до 600 человек. Подобные увеселения устраивались и другими представителями местной элиты — графинями Ланжерон, Нарышкиными, семьями Абаза и Исленьевых, бароном Фальц-Фейном, чей дом с атлантами стал одним из символов Одессы, знаменитейшим городским головой Григорием Маразли. Маразли известен не только тем, что на его личные средства в городе построены лечебницы, приюты, библиотеки, учебные заведения, храмы, музеи. Он обладал тропическим темпераментом и был известным волокитой, о его любовных похождениях ходили легенды. В числе дам его сердца были и Ариадна Папудова, и супруга Наполеона III Евгения-Мария де Монтихо, и Сара Бернар, которая, как говаривали злые языки, состоялась как актриса только благодаря покровительству Маразли. На даче Маразли на Французском бульваре был устроен первый в Одессе регулярный парк с аллеями, где располагалось множество копий античных памятников. Сделаны они были итальянскими мраморщиками, жителями Одессы.

СТЕНДАП. (Около памятника Лаокоону. Сначала на скульптуре, как перед открытием, белое покрывало; затем Ведущий театральным жестом сорвет его, и Лаокоон предстанет перед зрителями во всей порнографической красе.)

Как-то раз Маразли прогуливался по "античной" аллее своей дачи с одним из городских чинов и, обращаясь к собеседнику, сказал: "Мы должны не только накормить одесситов, но и одеть". Тот мгновенно нашелся. "Я вижу, вы своих уже приодели", — язвительно произнес он, указав на беломраморные изваяния. (Сдергивает покрывало.) Одним из тех, кого "одел" Маразли, был знаменитый Лаокоон. Под лозунгом всеобщей экспроприации после 1920 года памятники с дачи Маразли растащили, и не совсем

одетый Лаокоон застыл аккурат у дома Папудовых и лишь спустя много лет перекочевал к Археологическому музею. Стремление городского головы Маразли накормить одесситов было встречено горожанами с пониманием. Одесситы не гурманы, но и не тривиальные обжоры. Они истинные эпикурейцы. Статистика знаменитого рынка "Привоз" свидетельствует о том, что в конце 19 века в Одессе каждая "живая душа" поедала 100 килограммов мяса в год! Это не говоря уже об одесской рыбке — знаменитых бычках, скумбрии, камбале, ставриде, кефали — той, которой "шаланды полные в Одессу Костя приводил"... А колбасы, овощи, фрукты, вертуты, "бабки"? А великолепные "синенькие", то бишь баклажаны? А форшмак из анчоуса, "сардельки" и "глюсики"? А знаменитая фаршированная рыба? А царственные торты "Наполеон"?.. Да, что ни говори, умеют в Одессе радоваться жизни!

(Пушка выстреливает стулом под номером 9.)

ЗАКАДР. (Мешанина из упитанных одесских деток и мамаш — старые фотографии, современные съемки на пляже, на улице; персонажи, жующие и уплетающие разную вкуснятину; улочки, ведущие к Старому и Новому базарам; литографии старого "Привоза", Привозной площади, здание "Фруктового пассажа"; камера "ловит" покупающих и пробующих на "Привозе".)

Одесские дети по определению должны быть розовыми, пухлыми, тугими, — такими, что не ущипнешь. Худосочный и бледный отрок одесским ребенком не считается — так, несчастье на курьих ножках. Как сказал один испуганный еврейский юноша своей предполагаемой невесте: "Мадам, в вас слишком много тела!". Откуда вообще взялось это слово — "Привоз"? Все очень просто. Главные одесские дореволюционные базары — Старый, Новый и Греческий — были капитальными, с каменными павильонами и лавками. А "Привоз" долгие годы представлял собой просто площадь, на которой торговали "прямо с колес", то есть с возов, телег, немецких фур. Постепенно он стал настолько популярным, что начал обустроиваться, здесь даже появился истинный памятник архитектуры, "Фруктовый пассаж". Открытый же, темпераментный и даже импульсивный характер "Привоза" остается прежним.

СТЕНДАП. (Подходит к "Привозу" со стороны арки с надписью "Привоз". Потом "ныряет" в молочно-колбасный корпус.)

В Одессе не ходят на рынок, а "делают базар". "Делая базар" на "Привозе",

(Окончание на 10-й стр.)

Одесса-вестерн

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

можно весьма сытно, весело и питательно позавтракать. Это, как говорят в Одессе, излюбленное воскресное развлечение — не просто попробовать разных вкусов и прикупить чего-то к столу, но и пообщаться, послушать, кто, что и — главное — как говорит. Что ж, попробуем и мы приобщиться! (Заходит в молочно-колбасный корпус, потом в рыбные ряды в компании М. Пойзнера и И. Кнеллера.)

ЗАКАДР. (Мелькают таблички с названиями улиц: Болгарская, Французский бульвар, Греческая, Малая Арнаутская, Еврейская, Мясоедовская, Пушкинская... Камера "заглядывает" во дворы. Затем Потемкинская лестница из "Броненосца...", но другой эпизод, чем в первой серии.)

Возникновение названия "Привоз" типично для Одессы. Точно так же появились и названия улиц: Итальянская, ныне Пушкинская, — там жили итальянцы, Малая и Большая Арнаутская — там жили арнауты, то есть албанцы, Греческая площадь, Еврейская улица, где по иронии судьбы сейчас в СБУ живут местные чекисты, Малороссийская улица, Немецкая улица; на Пушкинской жил Пушкин, на улице Гоголя — Гоголь, а на Мясоедовской — купец Мясоедов... Из топонимических курьезов: была в советской Одессе улица Зоопарковая, на которой собирались построить зверинец, да так и не сподобились. А еще был переулочек с экзотическим наименованием Академический тупик — там, понятное дело, находились дачи передовых вузовских и академических работников... Свободный город — как есть, так и называют! После "Броненосца Потемкина" Эйзенштейна и хрестоматийной сцены расстрела горожан на портовой лестнице, которая называлась Гигантской, ее стали именовать Потемкинской. На самом деле никакого расстрела и в помине не было, но что значит великая сила искусства!

Правда, ни Роза Люксембург, ни Клара Цеткин, ни их друг Карл Либкнехт, ни Август Бебель, ни тем более их общий идейный вдохновитель Карл Маркс в Одессе не бывали. Оно и понятно. Идеи их прививались здесь с большим скрипом и, в общем, прошли как-то "по касательной", пожалуй, благодаря тому, что одесситы смотрят на все через призму оздоравливающей иронии и ничего не воспринимают "один к одному". Зато в названиях одесских улиц отразился непомерный интерес во все времена любознательных горожан к этим людям совершенно иной породы — немецким социалистам.

СТЕНДАП. (Идя по Екатерининской по направлению к Греческой; затем подходит к "Двум Карлам", спускается в подвальныйчик.)

Вот здесь, на углу Екатерининской и Греческой улиц, которые в связи с известными обстоятельствами были переименованы в улицы Карла Маркса и Карла Либкнехта, находится старинный винный подвальныйчик, который был здесь уже в 1796 году, через два года после основания города. Во второй половине двадцатого столетия местная алкоголическая общественность дала ему название "Два Карла", что вполне естественно. И вполне естественно, что сейчас это название стало официальным. (Спускается в подвальныйчик, наливает себе вина из бутылки пушкинских времен в такой же стакан; сидя за столиком, разглядывает рубиновое вино в старинном стакане.) В Одессе всегда любили не только вкусно поесть, но и выпить хорошего молодого вина. В этой, как здесь говорят, винарке, до сих пор подают те же бессарабские и шабские вина, что и во времена Ришеля и Ланжерона.

"Но мы, ребята, без печали, Среди заботливых купцов, Мы только устриц ожидали От цареградских берегов. Что устрицы? пришли! О радость! Летит обжорливая младость Глотать из раковин морских Затворниц жирных и живых, Слегка обрызнутых лимоном. Шум, споры — легкое вино Из погребов принесено На стол услужливым Отоном".

ОЛЕГ ГУБАРЬ. СНХР. (О географии и характере одесских винарок, о Большом и Малом круге винных подвальныхчиков и забегаловок. Синхрон "перекрывается" снятым "лайфом" из винарки.)

СТЕНДАП. (Прогуливаясь по Дерибасовской; затем усаживается на открытой террасе кафе "Воронцов" и поглощает принесенное мороженое в вазочке.)

Отведав ароматных одесских вин, вальяжная фигура выходила на Дерибасовскую и начинала прогуливаться. "По Дерибасовской гуляют постепенно", как сказал Жванецкий. Еще бы. Надо же и себя показать, и на людей посмотреть. Вы устраивались на скамейке в Городском саду, который раньше звался Дерибасовским, и миловидная итальянка подавала вам мороженое в граненом стакане. А мимо фланировала пестрая и нарядная толпа. Воистину, "Одесса — жемчужина у моря". Да-а-а, таких девушек, как в Одессе, больше нет нигде, если, конечно, они не командированы в ближнее и дальнее зарубежье по вызову. (Камера вместе с Ведущим "следит"

за прогуливающимися девицами.) Сто лет назад здесь все было строго регламентировано. По четной стороне Дерибасовской дефилировали "погибшие, но милые создания", а по почетной нечетной — иные прочие создания, которых караулили прилипчивые светские "саврасы". И вот как-то раз одна милая особа заявила своей подруге: "Знаешь, а нравы у нас все же меняются к лучшему. Лет двадцать назад мне там просто проходу не было. А теперь можно спокойно бродить по улице — никто не пристает!".

ЗАКАДР. (Старые фото с амурчиками, купидончиками, розовыми "альковными" рюшами; кадры из черно-белого кино с обителью "ночных бабочек".)

Барышням-комилфо в одиночку по Дерибасовской бродить воспрещалось категорически. Когда некая сердобольная маменька принялась убеждать в этом свою дочь, та объяснила ей, что добродетель, конечно, ценят, но оплачивают все-таки пороки. "Оплаченный порок" цвел в Одессе, как и во всяком портовом городе, пыльным цветом. Но даже здесь сказались типично одесский небанальный подход к любому вопросу.

В доме терпимости на Дегтярной улице на стене висела "карта поцелуев". Поцелуи здесь подразделялись на 15 категорий: 1) пристойные, или скромные; 2) диагностические; 3) политические; 4) антиалкоголические; 5) подневольные; 6) покаянные; 7) туфельно-ботиночные, или подкаблучные; 8) санкционированные; 9) оплаченные; 10) благочестивые; 11) академические, или корпоративные; 12) иудины; 13) терапевтические; 14) этикетные; 15) экспериментальные. Последние, как было отмечено в сем документе, отпускаются безвозмездно.

(Пушка выстреливает стулом под № 10.)

ЗАКАДР. (Кадры из фильма "Опасные гастроли": Высоцкий поет об открытии в Одессе театра-варьете, а подтанцовка выплясывает канкан; литографии арфянок, цитра из Литмузея; кадры из "В джазе только девушки"; кадры с летними театрами, оркестрами; фейерверки над морем в Аркадии.)

Слава Одессы как свободного города с легким характером была настолько велика, что уже во второй половине XIX века в городских ресторациях, пивных, трактирах появились небольшие женские оркестры. Так что фильм "В джазе только девушки" можно считать очередным заимствованием из одесского быта. Оркестры эти состояли из так называемых арфянок. То были в основном немки, которые приезжали в Одессу, как теперь говорят, "на заработки". Вы, конеч-

но же, не думаете, что музыкантши таскали по подвалам арфы. Арфами в данном случае служили тирольские цитры. Одна цитра вышла даже из мастерской Страдивари. Кстати, в Одессе когда-то шутили, что из 500 скрипок Страдивари 700 было продано именно здесь. Арфянки идеально вписались в облик музыкальной Одессы. Здесь даже народные гулянья сопровождалось, как правило, классической музыкой, а в качестве приправы — венскими вальсами да тирольскими песнями.

СТЕНДАП (идя к "Гамбринусу" от Греческой площади). Летом, когда в Одессе начиналась нестерпимая жара, горожане перемещались на дачи. В знаменитых дачных местах — в Аркадии, на Ланжероне, на Большом Фонтане, на знаменитых одесских лиманах — по вечерам над темными садами рассыпались огни фейерверков, которые и сейчас очень любят одесситы, уютно светились летние театры, отовсюду раздавались звуки оркестров. И считалось абсолютно естественным, что на "кабацкой эстраде", даже в самой занюханной пивной, можно встретить скрипачей и пианистов экстра-класса, вроде Александра Певзнера, которого так сочно описал Александр Куприн в рассказе "Гамбринус". Послушать любимца простонародья Сашку-музыканта приходили портовые грузчики и биндюжники, бедные еврейские ремесленники и налетчики с Молдаванки, иностранные матросы и даже творческая интеллигенция. Музыкальная Одесса начала XX века осталась не только в городском фольклоре, но и в ностальгических куплетах Осика Бровера. Вот уже четверть века он выступает в знаменитом "Гамбринусе". Давайте же и мы приобщимся к "уходящей натуре". (Спускается в "Гамбринус", слушает Бровера, пьет пиво, вступает с ним в беседу, а возможно, и поет вместе с ним.)

ЗАКАДР. (Фото музыкантов-клезмеров, Сашки-музыканта (А. Певзнера), рисунков Леонида Пастернака "Еврейские музыканты", затем кадры с Утесовым.)

Большинство одесских фольклорных песен, вроде "На Молдаванке музыка играет" или "На Дерибасовской открылась пивная", родились на основе клезмерских мелодий. В ансамблях клезмеров — еврейских народных музыкантов — обычно не было двух одинаковых инструментов, каждый играл как бы свою сольную партию, свободно импровизируя. Кстати, эту манеру исполнения затем переняли небольшие негритянские оркестры Нью-Орлеана, из которых родился знаменитый американский джаз. Что тут скажешь, действительно, "Одесса — родина слонов"! Недаром один из "слонов", на которых стоит Одесса, Леонид Утесов, утверждал, что его любимый город — родина джаза, а родоначальники — маленькие клезмерские "капеллы".

Легендой джаз-оркестра Утесова был знаменитый степист, одессит Эмиль Глед. А джаз, как известно, глубоко противоречил интересам мирового пролетариата.

ЭМИЛЬ ГЛЕД. СНХР.

ЗАКАДР. (Утесов поет "Ты одессит, Мишка, а это значит...".)

Лейб Вайсбейн, которого потом весь мир узнал как Леонида Утесова, навсегда остался для одесситов их любимым Лёдей. Вообще, одесские уменьшительные имена — это отдельная песня. Если вы услышите мужское имя Нолик, Тосик, Светик, Лёдик, — знайте, их обладатель оттуда, где поют о "гроздях душистых акации белой".

М.В. МОЛОДЕЦКАЯ, ПЛЕМЯННИЦА Л. УТЕСОВА. СНХР.

ЗАКАДР. (Кадры и фотографии с Утесовым, его джаз-оркестра; памятник Утесову на Дерибасовской; кадры, где участники джаз-карнавала играют около него, потом на Привозе.)

Леонид Утесов начинал свою карьеру в Одессе в начале 20-х годов XX века. На подмостках небольших театриков и кафе-штанганов он исполнял сатирические куплеты, одесские фольклорные и стилизо-

ванные песенки, например "Ужасно шумно в доме Шнеерсона". Это было задолго до "Веселых ребят" и джаз-оркестра Утесова. Одесситы не забыли своего кумира. Они не только усадили бронзового Утесова на скамейку на Дерибасовской. Вот уже четыре года, как одессит Михаил Фрейдлин проводит в сентябре в Одессе международный джаз-карнавал, куда съезжаются все звезды мирового джаза.

ИГОРЬ КНЕЛЛЕР. СХНР. (История про концерт Утесова в Одессе.)

СТЕНДАП. (Около школы Столярского; из окон доносится музыка.)

Постойте на любой одесской улице. Прислушайтесь. Мелодия этого города доносится из окон. Скрипка, альт, фортепиано, кларнет, виолончель... Это одесские дети в принудительном порядке занимаются музыкальной наукой. Самые способные из них учатся здесь, в знаменитой Школе Столярского. Сын местечкового клезмера, профессор Пейсах Столярский создал уникальный метод обучения музыкально одаренных детей и основал школу, которую называл "Школа имени мене". "Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает, но и любовь — мелодия", — написал Пушкин в альбом пианистке Марии Шимановской.

ЗАКАДР (портреты Ойстраха, Гилельса, Неждановой; кирха в плане; портреты Рихтера в молодости, его письма). Отсюда вышли мировые знаменитости Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Буся Гольдштейн. В Одессу из предместья приехала учиться Антонина Нежданова, здесь она закончила консерваторию, которая теперь носит ее имя. В Одессе провел юность Святослав Рихтер. Его отец был органистом в легендарной одесской кирхе, и в первые же дни войны его расстреляли, совершенно безосновательно обвинив в шпионаже. К этому моменту Святослав Рихтер учился в Москве. Потрясение было настолько велико, что он уже никогда не смог вернуться в Одессу. Хотя игры в шарады и музицирование в четыре руки всегда помнили те, кто в годы одесской молодости называл его Светиком. Помнил об этом и Рихтер. И всю жизнь переписывался со своей первой юношеской любовью, одесской пианисткой Вербицкой. Ее дочь Татьяна Вербицкая хранит эти письма в старинной фамильной шкатулке.

ТАТЬЯНА ВЕРБИЦКАЯ. СХНР.

(Пушка выстреливает стулом № 11.)

СТЕНДАП (в Пале-Рояле; затем спускается по лесенке на Екатерининскую улицу).

В начале XX века Одесса переживала очередной расцвет. Здесь, в Пале-Рояле, располагались дорогие магазины и торговые ряды, куда обязательно заглядывали не только одесситы, но и приплывающие и приезжающие гости. Это сейчас изрядно затянувшаяся реставрация здесь граничит с разрухой, а раньше жизнь в Пале-Рояле кипела. Сходство с французской столицей придавали и знаменитые одесские кафе — нарядные, с легкими изящными верандами. На тенистых улицах под акациями и платанами, которые одесситы именуют "бесстыдницами", были расставлены маленькие "парижские" столики, за которыми пили кофе и чай, поглощали в невероятных количествах вкуснейшие пирожные. В кафе Робина была, ко всему, и специальная комната для игры в шахматы, в кафе немца Либмана — изолированный бильярдный зал, в кафе итальянца Замбрини объедались, в прямом смысле слова до посинения, знаменитым одесским мороженым.

(Вынимает из кармана салфетку из кафе Замбрини и зачитывает текст.)

АЛЕНА ЯВОРСКАЯ. СХНР. (О труппе Художественного театра в Одессе и Чехове, который проел состояние в кафе Замбрини. Несколько анекдотов из одесской художественной жизни тех лет.)

СТЕНДАП. (Как бы продолжение предыдущего стендапа. Ведущий подходит к кафе "Фанкони".)

Кафе швейцарца Фанкони постепенно стало чем-то вроде клуба, где собирались приезжие и местные литераторы, актеры, художники, спортсмены. Об этом кафе даже в песне поется: "Тут подошел маркер известный Мона, о чей хребет сломали кий в кафе Фанкони". Здесь, на открытой веранде, можно было увидеть Александра Куприна, Ивана Бунина, Николая Гумилева, молодого Исаака Бабеля, знаменитого борца Под-

дубного, авиатора и спортсмена Уточкина, приехавших для выступлений в Одессе Владимира Маяковского и "отца русского футуризма" Давида Бурлюка. А на весь этот пейзаж вкупе с натюрмортом взирал из окна родительского дома на углу Дерибасовской и Екатерининской молодой Василий Кандинский.

ВИТАЛИЙ АБРАМОВ. СХНР. (О семье Кандинских в Одессе и о Василии Кандинском; можно перекрыть работами Кандинского из Одесского художественного музея и мемориальной доской Кандинского на доме.)

СТЕНДАП. (На Малой Арнаутской. Идет так, что видно название улицы и дом с мемориальной доской Ильфа.)

Если верить хорошо осведомленному Остапу Бендеру, то весь импортный товар сделан в Одессе на Малой Арнаутской. Великий комбинатор был как всегда прав. И это можно документально засвидетельствовать. Как оказалось, кинематограф был изобретен именно здесь, механиком Одесского университета Иосифом Тимченко. В 1893 году он создал прибор, который позволял проецировать на экран "стробоскопические иллюзии прерывистого движения". А в год столетия Одессы, в 1894 году, то есть за год до братьев Люмьер, Тимченко опубликовал свое открытие. Но то ли одесским коммерсантам изменило чутье, то ли Тимченко не умел делать то, что теперь именуется словом "промоушен", но финансовой поддержки он не получил.

ЗАКАДР. (Кадры немого кино; старая хроника; кадры с Верой Холодной.)

Зато Одесса получила щелчок по своему задранному носу: первый фильм в Одессе показывал в 1896 году представитель братьев Люмьер — в Александровском парке, который теперь называется парком Шевченко, в специальном деревянном павильоне. Потом в Одессе возникли стационарные кинотеатры и несколько собственных киностудий. Уже после установления советской власти они были преобразованы в Одесскую киностудию, которую прославили затем Марлен Хуциев и Петр Тодоровский, Станислав Говорухин и Кира Муратова. Сюда, в Одессу, где до 1920 года советская власть никак не приживалась, стекался поток уходящей от "окаянных дней" интеллигенции. Появились здесь звезды российской эстрады, например, Александр Вертинский, и звезды немого кино, которые продолжали сниматься в Одессе, и среди них — королева экрана Вера Холодная. Ходили слухи, что среди ее обожателей были Григорий Котовский и Мишка Япончик. А внезапная смерть актрисы в 1919 году от вирусного гриппа, "от испанки", как тогда говорили, породила массу домыслов — утверждали, что ее отравили, что она была связана с большевиками...

АННА МИСЮК. СХНР.

(Об Одессе 10-х — 20-х годов.)

СТЕНДАП. (В маленьком самолете типа "аэроплан" в небе над Одессой; одет, как авиатор 10-х годов прошлого века — шлем, огромные очки, белый шарф.)

"Было время, когда я летал только от Фанкони к Робина. Теперь я летаю даже над Хеопсовой пирамидой!" Это слова знаменитого велогонщика Сергея Уточкина, который в свое время съехал по Потемкинской лестнице на автомобиле. После того, как в Одессе ушел в небо аэроплан с первым русским летчиком Михаилом Ефимовым, Уточкин тоже решил стать, как говорили тогда, "пилотом-авиатором". И очень быстро добился того, что его стали именовать "Шаляпиным воздуха". А сам он называл себя "счастливейшим из одесситов". Вообще, популярность авиации, как и любого новшества, была в Одессе чрезвычайно высока. Здесь даже был свой самолетостроительный завод Анатра, который выпускал 50 машин в месяц. На этом-то заводе и начинал свой творческий путь будущий знаменитый писатель Илья Ильф. Между прочим, этот Анатра увел у Уточкина жену, каковая потеря впоследствии довела "Шаляпина воздуха" до "Палаты № 6"...

ЗАКАДР. (Кадры из хроники или фильмов об интервенции; кадры погрома из фильма "Гамбринус"; фотографии, кадры со всеми упомянутыми фигурантами-эмигрантами.)

До прихода советской власти в Одессе сменилось несметное количество режимов — и иностранных, и местного значения. Но никто из них не был столь долговечен и назойлив. То, что происходило

в городе в 1919 году, Илья Ильф назвал "одесский Техас". (Цитата из последней книжки Ильфа.) В 20-м году уже начался массовый исход. Это не было первой волной эмиграции из Одессы. Эмиграция началась в 1821 году, сразу же после первого еврейского погрома. И потом на протяжении всей своей истории Одесса то приобретала, то отдавала. Был приход, сделан исход.

Одесситы Владимир Жаботинский и Меир Дизенгоф "сделали Израиль". Одесские корни имеют Зигмунд Фрейд, Ситроен и Гамов, знаменитый автор теории "горячей вселенной". Даже Керк Дуглас и Стивен Спилберг имеют отношение к Одессе. Не говоря уже о Сильвестре Сталлоне и Дэвиде Копперфильде. Но это еще не все. Возможно, что в 20-е годы в одесских аптеках и цирюльнях продавали некий эликсир, созданный по особому рецепту на той же Малой Арнаутской. Ничем иным не объяснить того факта, что в одно время, в одном месте возник такой сонм блестящих литературных талантов.

ЕВГЕНИЙ ГОЛУБОВСКИЙ. СХНР. (Об одесской литературной южнорусской школе, об их исходе из Одессы, о Бабеле, который говорил друзьям на похоронах Багрицкого: пора возвращаться.)

(Пушка выстреливает стулом под № 12.)

СТЕНДАП. (Идет по Дерибасовской по направлению к бронзовому стулу.)

Жванецкий говорит: "Нет специального одесского юмора, есть юмор, вызывающий смех, и есть шутки, вызывающие улыбку сострадания". Трудно с этим спорить. Да и не нужно. Лучшие репризы одесского КВНа никогда не были "специальными". Как и Юморина — праздник, придуманный одесскими КВНщиками Олегом Сташкевичем и Валерием Хаитом. Главное в одесском "неспециальном" юморе — это естественность. И вышедшая в этом году Антология все-таки одесского юмора это подтверждает. Юморина — это такой театрализованный роман "Двенадцать стульев", это проявление истинной раблезианской сущности Одессы.

ЗАКАДР. (Кадры с Юморины — шестые, люди, поливающие друг друга и себя краской; презентация Антологии; вручение стульев на "Мастере Гамбсе", в том числе и Ведущему, а затем в режиме "быстрой скорости".)

Ну где еще 1 апреля бывает выходной день? Где еще весь город выходит на улицу, чтобы нарядиться черт знает во что и облить себя литром серебряной краски, оставшейся от недокрашенной ограды? Вот уже четыре года, как на Юморины проходит театрализованное действо под названием "Мастер Гамбс". Лицам, наиболее отличившимся на ниве сатиры и юмора, здесь вручают по бронзовому стулу, коих, естественно, 12 штук. Это такая попытка вытащить золотую нитку из прошлого. Вертинский говорил: "Можно пройти по всей России и не пройти в Одессе. Одессу боятся. Ее откладывают на конец, напоследок, после Парижа и Лондона". Те, кто приезжает в Одессу за бронзовыми стульями, судя по всему, "прошли" и в Париже, и в Лондоне.

СТЕНДАП. (Фантомореска, где изображены Остап Бендер, Киса Воробьянинов и отец Федор. Четвертая фигура с головой Ведущего. Он выходит из-за фантоморески, подходит к бронзовому стулу и садится на него. На ладони у него маленький стульчик.)

На бриллианты, которые оказались в гостинице гарнитуре мадам Петуховой, был, как известно, построен клуб. Бриллианты, которые мы с вами так старались отыскать — здесь, вокруг. На них построен этот город. И все, кому повезло здесь оказаться, увозят с собой бриллиантовую одесскую пыль. "Я жил тогда в Одессе пыльной..." Не гарнитуры же увозить с собой, в самом деле!

(Из-за фантоморески выходят Остап Бендер, Киса Воробьянинов и отец Федор. Подходят к Ведущему и становятся рядом, как на старинной фотографии, которая постепенно переходит в литографию.)

Конец второй серии

"Во внутреннем дворе отеля
Фонтан стремительный журчал...
Печальный юноша мечтал
Во внутреннем дворе отеля.
В него с фонтана, метко целя,
Амур стрелой попадал..."

Ф. Сологуб
Одесса. 1913 г.
Лондонская гостиница

Речь пойдет не о знаменитых, характерных только для Одессы, Фонтанах — Большом, Среднем и Малом, — а о гидротехнических сооружениях, издавна украшавших наш город.

Конечно, в городе, где отсутствие воды было основной проблемой с самого его основания, фонтаны могли появиться только вместе с водопроводом. Справедливости ради следует отметить, что существовали гидропатические заведения с бассейнами, использующие воду артезианских источников, находящихся рядом. (Например, бани Исаковича на Преображенской, гидропатическое заведение Шорштейна на Карантинной и др.) С 1848 года, по свидетельству В. Коханского — автора иллюстрированного путеводителя "Одесса за 100 лет", — работал частный водопровод Ковалевского. Однако вряд ли предпринимчивые одесситы XIX века стали бы расходовать дорогую воду просто так — для красоты строя фонтаны, — не получая прибыли.

Водопровод в Одессе был торжественно открыт 9 сентября (по старому стилю) 1873 года при огромном стечении народа. На Соборной площади к этому дню был сооружен фонтан, и все собравшиеся могли наблюдать, как в город пришла днестровская вода. А для тех одесситов, которые находились на улице Водопроводной против ворот новопостроенной станции, этот момент ознаменовался открытием двух маленьких симметричных фонтанчиков в виде львиных голов, из пасти которых вытекали струйки воды. Головки эти сохранились до наших дней, но вода из них не идет.

Об открытии одесского водопровода писали различные российские издания. Недавно ко мне попал петербургский журнал "Всемирная иллюстрация" от 19 января 1874 года, в котором, в разделе внутренних новостей, наряду со свадьбой российской принцессы, пышными похоронами бывшего наместника Польского и назначением на его место нового генерал-губернатора, кстати, не чужого Одессе человека, П.Е. Коцебу, помещена статья об открытии и освящении одесского водопровода, и в качестве иллюстрации приведена гравюра "Одесса. Фонтан на Соборной площади" художника Г. Бролинга (гравировка Л. А. Серякова). Выглядел ли первый фонтан именно так, как изобразил его художник, или этовольная фантазия? Очертания домов вдали и расположение фонтана относительно памятника М.С. Воронцову говорят о том, что художник рисовал с натуры. За несколько месяцев — с сентября по январь — вполне реально было по скоростям того времени командировать художника в Одессу и получить рисунок для журнала. Возможно, художник Бролинг был постоянным сотрудником "Всемирной иллюстрации", т. к. в этом и других доступных нам номерах журнала встречаются его рисунки из разных местностей Российской империи.

Фонтан венчала фигурка мальчика, стоящего на большой чаше и поддерживающего, как заправский Атлант, малую чашу, из которой била струя воды. Струи лились, кроме того, и из пасти диковинных рыб, окружавших основание фонтана. Вокруг фонтана очень характерные фигуры ликующих одесситов с разномастными емкостями для воды, и даже пьящие воду прямо из фонтана. "Такой восторг понятен, — пишет автор статьи, — потому что в этом скромном фонтане, бьющем всего только на 7 футов (2,8 м), заключалась громадная реформа и источник блестящей будущности и богатств Одессы".

В моей коллекции есть документальная фотография, запечатлевшая общий вид Соборной площади во время молебна по случаю открытия водопровода и освящения фонтана, снятая, возможно, из окон верхнего этажа или с крыши несохранившейся части дома Папудовой. Разглядеть на ней конструкцию окруженного флагами, находящегося в центре внушительной толпы фонтана можно только при многократном увеличении. Нижнюю часть фонтана заслоняет толпа вокруг него, просматривается только большая чаша и силуэт фигурки, держащей маленькую чашу. Все это полностью соответствует рисунку в журнале "Всемирная иллюстрация" и по нему можно считать доказанным, что рисунок Г. Бролинга — это достоверный "портрет" одесского водопроводного фонтана. Причем, возможно, единственное из сохранившихся его изображений. На многочисленных известных открытках начала прошлого века из моей коллекции встречаются самые разные виды Преображенского собора, памятника М.С. Воронцову, снятые с разных сторон. Только на открытке, изданной в 1915 году, "водопроводный" фонтан попал в объектив фотографа, но уже в другом виде. Объяснением этому может служить то, что в начале XX века фонтан стал рассыпаться, во всяком случае, известно постановление городской думы за 1911 год ("Известия Одесской городской думы" № 21-22) о выделении средств на реконструкцию Соборной площади и фонтана на ней. Очевидно, тогда в результате реконструкции и появился фонтан из камня-дикаря, дошедший до наших дней.

На довоенных фотографиях фонтан имеет вполне презентабельный и ухоженный вид. Однако в конце 30-х годов по решению советского правительства Преображенский собор был взорван, а на месте ал-

ОДЕССКИЕ ФОНТАНЫ

Открытие нового водопровода. Фонтан на Соборной площади. Рис. Г. Бролинг, грав. Л. Серяков

Екатерининская площадь

Вокзальная площадь

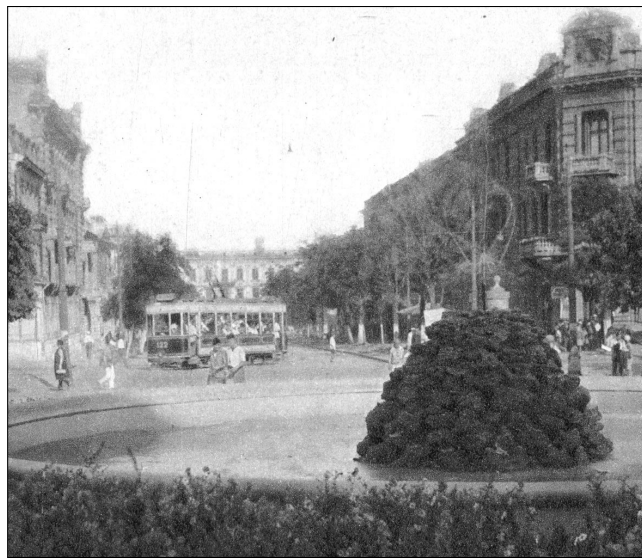
Сретенская церковь

Пантелеймоновская улица

Соборная площадь

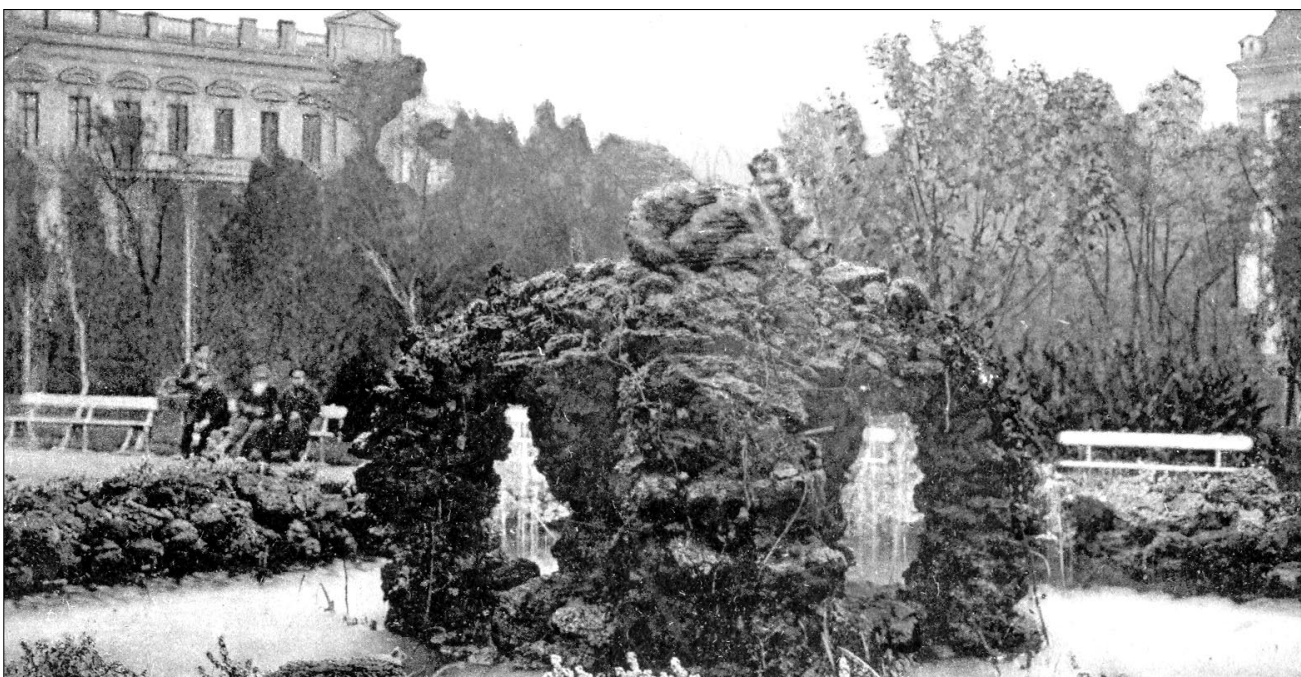
Соборная площадь

Пале-Рояль

Театральная площадь

Городской сад. Начало XX века

таря собора стараниями академика В.П. Филатова был установлен мощный фонтан-чаша, затмивший более скромный фонтан. Так сказать, не выдержал конкуренции!

В послевоенные годы на месте старого фонтана был сооружен уникальный мини-комплекс: скульптура И.В. Сталина, сидящего в кресле, у ног которого карта СССР, где по рекам текла настоящая вода, а фонтанчики и макеты указывали расположение гидроэлектростанций на них.

"Водопроводный" фонтан был историческим свидетелем всех преобразований Соборной площади. Кроме того, его открытие дало толчок для строительства других фонтанов города.

Архитектура известных в различных репродукциях XIX века фонтанов Одессы незатейлива, но изящна. Они дарили прохладу, так необходимую одесситам в знойные летние дни, и свидетельствовали о благополучии и процветании Южной Пальмиры.

Красиво вписывался в треугольную Екатерининскую площадь круглый трехъярусный фонтан, окруженный чугунной оградой, повторяющей контуры площади. На месте этого фонтана в 1900 году был поставлен памятник Екатерине II.

Похожий фонтан стоял и в центре Тираспольской площади, где была остановка конки, создавая остров влаги и зелени в центре города. Он был снесен в связи с постройкой павильона — станции трамвая в начале XX века.

Незначительно по архитектуре отличались от других двухъярусные фонтаны: перед Греческой церковью на Екатерининской улице, перед Сретенской церковью на Новом базаре, перед церковью возле авиационного завода Анатра (нынешним Свято-Иверским монастырем) и др.

Множество фонтанов в Одессе было сделано из местного камня-дикаря. На открытках конца XIX-начала XX века из моей коллекции такие фонтаны видны на Привокзальной площади, перед зданием Духовной семинарии (ныне Сельскохозяйственной академии), перед Покровской церковью на Александровском проспекте. Даже во дворах новостроящихся домов и дач начала XX века можно было увидеть круглые бассейны с фонтанами из дикаря в центре. Таким я помню сохранившийся до 50-х годов фонтан во дворе дома моего детства на Пироговской, 3. (Домовой фонтан был засыпан, как вспоминает моя мама, по совсем прозаической причине — мешал проезду мусорной машины!)

Сооруженный на собранные одесситами по подписке деньги памятник великому русскому поэту А.С. Пушкину окружен своеобразным фонтаном: вода выливается из пасти четырех сказочных дельфинов. Существует легенда, что величину струи воды регулировал специально нанятый городской думой слугитель. Благодаря этому вода равномерно стекала сплошной стеной в нижние чаши.

Одесситы могут гордиться уютным фонтанчиком во внутреннем дворе гостиницы "Лондонской", который вдохновил известного русского поэта начала XX века Федора Сологуба, и он написал, живя в "Лондонской" в 1913 году, стихотворение, строчки из которого взяты эпиграфом к этой статье.

Недалеко от Николаевского (Приморского) бульвара между Городским театром и Английским клубом располагалась камерная скульптурная группа с фонтаном-лягушкой, которая "присела" у ног рассматривающих ее детей. Эта скульптурная группа — копия фонтана в Дюссельдорфе, была установлена в Одессе в начале XX века и в разное время "переезжала" с места на место в пределах Театральной площади.

Уютный дворик Пале-Рояля по другую сторону Городского театра украшал небольшой фонтанчик из камня-дикаря, увенчанный изящной бронзовой скульптурой. В 70-х годах прошлого века городские власти решили привести в порядок территорию Пале-Рояля и восстановить фонтан. По сохранившейся фотооткрытке начала века была изготовлена копия скульптуры, и фонтан функционировал в течение многих лет. Что происходит там сейчас за высоким строительным забором — неизвестно.

Фонтан в Городском саду, безусловно, любим одесситами. Одним из развлечений детворы, да и идущих мимо студентов, было попасть в жаркий день под струю уносимых ветром брызг фонтана. На открытках начала XX века фонтан совершенно другой, это — фонтан-грот, напоминающий в уменьшенном виде грот Дианы на Приморском бульваре.

Я не ставил своей целью описать абсолютно все старые одесские фонтаны — это невозможно. Множество фонтанов строили владельцы шикарных дачных особняков на Французском бульваре, устроители Всероссийской торгово-промышленной выставки в Александровском (ныне имени Шевченко) парке в 1910 году, владельцы санаторно-лечебных заведений на своих территориях, в том числе на прославленных лиманах — Андреевском (Куяльницком) и Хаджибейском.

Отдавая дань старым одесским фонтанам, приятно видеть, что в городе появляются новые фонтаны — скульптурные группы, выполненные известными скульпторами. Только за последний год появился небольшой фонтан на реконструируемом Староконном рынке, где фигура мальчика с лошадью выполнена одесским скульптором А. Токаревым; в мае открыт фонтан в Прохоровском сквере — памяти жертв Холокоста, скульптором которого является всемирно известный Зураб Церетели. Надеюсь, что строительство в Одессе новых фонтанов и восстановление старых будет продолжаться, и это будет прямым свидетельством роста благосостояния города и его жителей.

А.А. Дроздовский,
Одесса, 2004 год

GOOD BYE,

да Одесса уже блистала, как "не первый город Российской империи, но и не второй", кафе "Фанкони" на углу Екатерининской и Ланжероновской с его знаменитой кондитерской было одной из достопримечательностей города. Естественно, что в советское время его закрыли. В пятидесятые годы на его месте был магазин с удивительным названием "Химбыт", где торговали тогдашними скудными товарами бытовой химии. А потом, в начале 60-х, там открылись кассы Аэрофлота, просуществовавшие в том или ином виде аж до конца 90-х. И вот наконец-то, в наши времена, когда провозглашается и вроде бы даже приветствуется и преемственность истории досоветского периода, и свобода предпринимательства, там открывается... игровой центр "Пилот"!

Конечно, можно допустить, что нынешние "хозяева жизни" все как на подбор родом, скажем условно, из Крыжополя, и ни о каких "Фанкони" и слухом не слышали. Но допустить, что и те "государственные мужи", администрации различного уровня, которые давали разрешение на открытие этого "Пилота", утверждали проекты и т. п., тоже об этом не знали, получается уж больно дико.

При этом, конечно, вопрос не стоит о том, что не может быть игрового центра с названием "Пилот"! Пусть будет! Но зачем его открывать на месте кафе "Фанкони"?

Допускаю, что и рестораны "Волна" и "Украина", протянувшиеся от угла Ланжероновской и далее по Екатерининской, со столь колоритной летней верандой, еще совсем недавно находившейся рядом с ними, были не бог весть какими архитектурными или историческими памятниками. Но для многих поколений одесситов они со своими деревянными резными панелями, "ресторанно-шикарной" потолочной лепкой, тяжелыми люстрами и оркестрами навсегда врезались в память. В них был свой колорит, был некий дух "той Одессы". Теперь на их месте безликий банковский офис и столь же "западноевропейский" магазин с труднопроизносимым иностранным названием.

Опять-таки повторюсь. Пусть будет и офис, и магазин. Но неужели в Одессе, в том числе и в центре, мало других мест, от переоборудования которых городу не убудет, а наоборот, прибудет, и нужно обязательно выкорчевывать именно то, что еще сберегло хоть какую-то оригинальность?

На той же Екатерининской, но уже за Дерибасовской, в середине 60-х появилось питейное заведение, вызвавшее тогда полный фурор. "Оксамит Украины" с его коктейль-холлом в подвале, где можно было попробовать "взаправдашний" коктейль или пуш, для нас, тогдашних старшеклассников, был... ну как если бы "Голос Америки" начали транслировать по радиоточке. Какой-то глоток свободной жизни! Был там еще и дегустационный зал, и очень хороший винный магазин. И вообще место это было со своей, пусть и специфической, но весьма колоритной историей и памятью. Теперь на месте "Оксамита Украины" магазин стильной одежды "Макс Мара" и ресторан "Тарантинно".

Уже долгое время закрыто заведение, находящееся чуть дальше по Екатерининской, которое, по крайней мере, хоть

сохраняло возникшее еще в советские времена "подпольное" название "Два Карла". А родилось оно оттого, что то ли от чьей-то рискованной шутки или просто недомыслия на этом углу пересекались улицы Карла Маркса и Карла Либкнехта. И в те времена официально называвшееся то ли "Винный магазин", то ли "Винный ларек № ...", а неофициально — "Винарка Два Карла", было "суперзаведением". Там бывали и университетские профессора, и грузчики из порта. А для стекольщиков (была такая категория уцелевших частных мастеров, которые ходили по дворам с большими плоскими деревянными коробами на боку, где лежало стекло, и предлагали за пару рублей "остеклить") там вообще была "биржа", т. е. место, где, степенно пропуская стаканчик сухого или крепленого с обязательной конфеткой, входив-

ПОТОЛКОВАТЬ О ГАННИБАЛЕ...

(над страницами интересной диалогии)

Не только книги имеют свою судьбу, но и наше, читательское знакомство с ними выстраивается подчас в любопытную фабулу.

Имя Френсис Сомерз Кокс неожиданно возникло в одном разговоре задолго до того, как обсуждаемые ниже произведения появились на свет. Дело было в Твери, где весной 1992 г. проходила солидная конференция под названием "Круглый стол: Пушкинисты Европы". Известный британский пушкинист Энтони Бригз рассказал мне о своей соотечественнице, преподавательнице словесности, "заболевшей" жизненной историей пушкинского предка Абрама Петровича Ганнибала. Попутно заразилась она интересом к Пушкину и, путешествуя в свободное от работы время, стремилась, мол, посетить не только все ганнибаловы, но и все пушкинские места. Как бы извиняясь за свой вопрос, профессор Бригз поинтересовался, не смогу ли я предстоящим летом поспешествовать знакомству не знающей русского языка Френсис с Одессой. Разумеется, ответ был дан положительный.

В Одессу протопе Бригза при- была морем из Стамбула (одно

из мест, связанных с жизнью А.П. Ганнибала) и провела здесь несколько дней. Мы ходили с ней по улицам города, задерживаясь у разных мест, связанных с пребыванием великого поэта. Ее, надо сказать, все живо интересовало. Очень понравилась ей Одесса и, узнав, как много Пушкин успел написать во время одесской "ссылки", она заметила, что ее это несколько не удивляет: сам город должен был придать творчеству поэта дополнительный импульс. Много говорили с ней о так интересно начатом и — увы! — не реализовавшемся в целостное произведение историческом романе Пушкина "Арап Петра Великого". Направляясь из Одессы в Москву, пообещала она *со временем* прислать свою книгу о Ганнибале. "Со временем, но расчисленно философических таблиц, лет чрез..." — пришла тогда на ум пушкинские строки.

Должен сознаться и, хоть с опозданием, но покаяться в своем неоправданном скептицизме: не было у меня тогда уверенности в том, что планы симпатичной англичанки увенчаются осязаемым результатом. Мало ли в мире увлеченных людей, которые

хотят о чем-то или о ком-то узнать побольше, кое-что узнают, строят грандиозные планы, и... в конце концов, ничего примечательного из их замыслов не происходит. Ну, приятно было побродить с милым человеком по одесским улицам, "потолковать о Ганнибале", а дальше-то что? Однако сомнения мои оказались совершенно беспочвенными. Прошли годы, ни много ни мало — одиннадцать лет, и в конце 2003 года лондонское издательство "Гоулдхок" выпустило в свет диалогию Френсис Сомерз Кокс о Ганнибале, а в начале нынешнего года автор любезно прислала мне в подарок обе свои книги.

За прошедшие годы Френсис объездила — да не по одному разу — Эфиопию, Эритрею, Египет, Россию от Петербурга до Тобольска(!), Турцию (не говоря уж о Франции), чтобы увидеть, по возможности изучить и, как говорится, пропустить через себя все экзотические реалии и места, где довелось пожить или просто побывать ее герою. Поскольку книги адресованы, преж-

де всего, юному читателю, они богато иллюстрированы, снабжены полезными приложениями, где интересующиеся найдут географические карты с маршрутами путешествий героя, глоссарий — объяснение непонятных слов, эфиопский и русский алфавит, краткую библиографию и пр. Да не забыть бы заранее уведомить читателя: перед ним не историческое исследование, а художественное произведение.

Первая книжка называется "Абрахам Ганнибал и разбойники пустыни", вторая — "Абрахам Ганнибал и борьба за престол". Впрочем, деление на части вызвано, скорее всего, издательскими соображениями, поскольку в изложении истории своего героя автор не допускает перебоев или длительных пауз. Эта непрерывная история поистине необычайна и богата событийностью, как и положено литературе для юношества. Признаюсь, что, читая первую часть, вспоминал по аналогии, с каким увлечением знакомыми мы когда-то в детстве с книгами о других цивилизациях, вроде хрестоматийных

"Приключений доисторического мальчика" или "Письма греческого мальчика" — яркого рассказа выдающегося филолога-эллиниста Соломона Яковлевича Лурье, который, кстати говоря, на протяжении ряда лет жил и трудился в Одессе.

Красочно и живо воссоздано детство героя — младшего из многочисленных детей правителя одной провинции Эфиопского царства, неординарного маленького африканца, наделенного пытливым умом, благородными чувствами и сильной волей. Абрахам, убежденный, что его предки генетически восходят к библейскому царю Соломону, проявляется как незаурядная личность в разных ситуациях. Вот он, подросток, рискуя жизнью, останавливает стадо слонов, несущихся на жилища людей, вот смело говорит правду в глаза своему властному отцу, а позднее и эфиопскому царю, вот ведет содержательную беседу с французским врачом при эфиопском дворе. С этой встрече поселяется в душе мальчика мечта посетить дале-

ОДЕССА?!

шей в тогдашнюю стоимость стакана вина в 16-20 копеек, они ожидали приходящих клиентов.

Канул в лету магазин "Колбаса" на Дерибасовской, 16, где скудный ассортимент товаров с лихвой возмещался пусть и аляповатыми, но просто чудными и, главное, своеобразными, цветными барельефами летящих гусей, уток в камышах и прочими занимательными сценами из пернатой жизни. Их никогда не надоело рассматривать, стоя в длинной очереди за 300 граммами ветчинно-рубленной. Как бы заиграли сейчас эти барельефы на фоне нынешнего изобилия!

А совсем рядом, дальше на Дерибасовской, был рыбный магазин с громадным стеклянным аквариумом, в котором продавец большим сачком вылавливал

для покупателей понравившуюся им плававшую живую рыбу. И там тоже были чудные настенные барельефы с рыбами, представление о которых могут дать бронзовые рыбы на фонтане-памятнике Пушкину! В 70-е, ввиду исчезновения, надо полагать, живой рыбы, его перефотографировали в молочный магазин, но барельефы еще долго сохранялись. А теперь там, конечно, что-то очень заграничное и абсолютно никакое. Конечно, хорош клуб "Фидель" на Дерибасовской, да вот, наверно, гастроном Дубинина, бывший здесь с незапамятных времен, был бы лучше. А "Фидель" мог бы быть и в другом месте.

Вообще же перечень того, что имело хоть какой-то одесский колорит и своеобразие и было уничтожено, причем уничто-

жено именно в последние годы, к сожалению, можно длить до бесконечности.

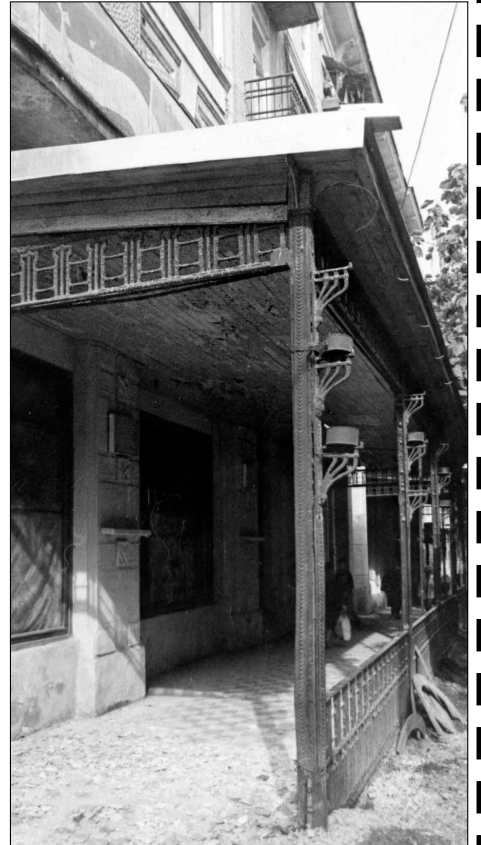
Увы, следует признать, что сейчас наступило время полного торжества Прони Прокоповны из "За двома зайцами", произнесшей фразу, которую можно считать манифестом нынешних "хозяев жизни": "Страх люблю, чтоб усе по-модному было, по-иностранному!"

С образцами каких угодно национальных кухонь мы теперь можем познакомиться! И это, конечно, замечательно. Но если вы захотите угоститься или угостить друзей именно одесской кухней, то вам придется туго. Не говоря уже про то, что ни одно развлекательное заведение даже и не подумало ни назвать, ни украсить себя хоть чем-то "колоритно одесским".

Вообще же Одесса как исторически сложившийся архитектурный и культурный феномен сейчас явно в роли старой и бедной родственницы, с которой никто не считается, и про которую вспоминают только тогда, когда "банде" молодых, и наглых родственников нужно что-то поиметь от прежней славы и заслуг старушки. И город превратился в территорию, где, как принято сейчас говорить, просто "рубят бабло", не утруждая себя никакими моральными, не говоря уже про какие-то эстетические или исторические соображения.

Когда дремучее невежество с проистекающей от этого эмоциональной глухотой умножается еще на невероятную страсть к наживе, то в результате и получается то, что мы имеем сейчас в Одессе.

Конечно, выход есть в любой ситуации. Есть прекрасные специалисты и

знатоки, и истории, и колоритные особенности Одессы. Ведь наш город потому и стал "той Одессой" с мировой славой, счастье родиться и жить в котором можно приравнять к подарку судьбы, что здесь было всегда свое, особое, проистекающее из сплава стилей и культур неповторимое своеобразие. И просто неразумно отказываться от этого. И важно только захотеть сохранить то, что еще есть, а создавая нечто новое, любить Одессу, а не превращать ее в бледное подобие чужих городов.

Олег ВЛАДИМИРСКИЙ.

Одесса, которую мы потеряли...

Бани Исаковича на Преображенской, 41

Кафе Фанкони

Станция фуникулера на Николаевском (Приморском) бульваре

Летняя веранда ресторанов "Украина" и "Волна" перед окончательным уничтожением

Фото из коллекции Олега Губаря, Александра Розенбойма и автора.

кую неведомую Францию и передать Королю-Солнцу (то есть, Людовику XIV) приветствие другого христианского монарха — властелина Эфиопии.

Далее приключенческая насыщенность сюжета идет по нарастающей. Ганибалу удается попасть в группу детей, увозимых доктором Понсе во Францию, их караван захватывают разбойники, на невольничьем рынке в Мекке его продают в рабство, после кораблекрушения попадает он на необитаемый остров, затем оказывается в руках пиратов, вновь продающих его в рабство, на этот раз — в Турцию, и уже из Константинополя прямо чудом, благодаря помощи добрых людей удается ему с русским послом в Османской империи Петром Толстым отправиться в Россию. Вспомним, что дело-то происходило не в Средние века, а уже в начале 18 века, и можно только подивиться обилию злоключений, выпавших на долю ребенка-африканца.

Британская писательница, не впадая в апологетическую экзальтацию, заставляет читателя проникнуться сочувствием к юному герою и интересом к тому, как складывается его дальнейшая судьба.

Конечно, с не меньшей заинтересованностью читается вторая часть, где герой попадает в Россию, не без трудностей ак-

климатизируется в ней, изучает русский, проявляет свои недюжинные способности и к языкам, и к рисованию, и к точным наукам. Естественно, что в главах второй части заметное место занимает личность Петра Первого. Сколько шараханий в крайности пережили мы в изображении этого монарха: от безудержной идеализации, как в старом фильме В.М. Петрова или романе А.Н. Толстого, до полного перечеркивания всех его достижений и окригатуривания. Вспомнить хотя бы не так давно созданную М. Шемякиным скульптуру сидящего неестественно прямо — будто "аршин проглотил" — длинноногого микроцефала, установленную возле Петропавловской крепости! (Вот ведь, и новой Одессе не пришлось по душе "улицы Петра Великого", хотя, не развернись при Петре империя лицом к Европе, так и надобности бы в таком городе-порте, как Одесса, не возникло бы.) Нужно отдать должное Френсис Сомерз Кокс: ей удается соблюсти должную меру и представить Петра личностью далеко не однозначной, противоречивой, но, несомненно, богатой. Думаю, сыграло свою положительную роль знакомство — пусть в английском переводе — с пушкинской трактовкой этой непростой исторической фигуры.

Большой раздел второй части дилогии посвящен Северной войне и, в частности, Полтавскому сражению. Пушкинская "Полтава", конечно, английской писательнице хорошо известна, хотя личность Мазепы и все, что связано с мятежным гетманом, ее совершенно не занимает. В центре изображаемых событий оказывается юный герой Абрахам, активный участник Полтавской битвы. Тут Френсис Сомерз Кокс дает подчас волю и писательскому вымыслу (право беллетриста!), повествуя, например, о героическом ночном рейде юного африканца, по своей инициативе разведавшего диспозицию шведской армии, что в немалой степени содействовало победе российского оружия под Полтавой.

При всей событийной насыщенности дилогии, написанной от третьего лица, главный персонаж представлен не только в сфере поступков, но и в своей духовной жизни. Читатель узнает и о его потаенных чувствах, желаниях, помыслах, и о нелегких переживаниях на крутых виражах судьбы, и о том, как видится ему, африканцу, поначалу чужой и странный северный мир.

В книгах иностранцев о российской истории нас нередко поражает и отпугивает обилие "развесистой клюквы" —

исторических, географических и разных прочих несуразностей. Нужно сказать, что в книгах, о которых идет речь, их не то чтобы совсем не было, но они малочисленны. К примеру, в названии второй части события Северной войны определены как "Борьба за престол". Это, наверно, не совсем точно: война со Швецией шла за господство на определенных территориях (Россия боролась за выход к Балтийскому морю), а *Борьба за престол* носила внутригосударственный характер и состоялась она ранее, в 1680-е гг., — в период стрелецких бунтов. Сообщено о визите Петра Первого в Вильнюс, где его "почетной гостьей" была и польская королева, однако... Вильнюс-то вошел в состав Российской империи лишь в 1795 г., а в описываемое время город назывался *Вильна* и входил в состав Польши; стало быть, это Петр был там гостем польской королевской фамилии. На географической карте России, представленной в начале книги оформителем, Волга сливается с Доном (вроде Иртыша с Обью или Миссури с Миссисипи), и новая река впадает в... Азовское море.

Однако эти единичные неточности могут быть легко устранены перед тем, как дилогия появится под единой обложкой. Тем временем, надеюсь, увидит

свет и новая книга, над которой энергично работает Френсис Сомерз Кокс; правда, это будет уже книга о взрослом А.П. Ганибале, предназначенная взрослому читателю. Впрочем, несмотря на новый адрес книги, возьму на себя смелость предположить, что посвящена она будет тому же человеку, чье имя вынесено на первые страницы уже изданных томов — восьмилетнему сыну писательницы Абрахаму Александру. Назван мальчуган так в честь героя книги и его знаменитого правнука — величайшего русского поэта.

"Как жаль, что я не могла познакомиться с этой книгой в десятилетнем возрасте! Но и сейчас я прочла ее с огромным удовольствием". Охотно бы подписался под этими словами из рецензии на диологию, появившейся в одной из британских газет. В самом деле, книги Френсис Сомерз Кокс написаны со знанием исторического материала, с большой любовью к своему герою и — что совсем немаловажно! — написаны живо и увлекательно. А в письме, присланном автору этих строк, Френсис признается, что Одесса была для нее одним из факторов вдохновения, сопутствовавшего ей в течение всей работы над дилогией.

Марк СОКОЛЯНСКИЙ
г. Любек, ФРГ.

Дача. Это старое, еще дореволюционное слово (в старой России дачей называлась взятка). Дачи, собственно, есть везде. Но наша фонтанская дача — это мир, особый и чудный. Нигде не бываемый больше. Это не был просто район летнего отдыха, как бывает в иных городах — была это особая форма жизни.

Дачи на Фонтане — это были районы одноэтажных домиков, строенных из ракушечника, с толстыми стенами, просторными верандами в окружении основательных и толстых колонн, с мезонином на крыше. В таких домиках в летнюю жару было всегда прохладно, и хорошо дышалось — дышал ракушечник. У каждого такого домика был участок земли, густо засаженный фруктовыми деревьями, вишнями, черешнями, абрикосами и всякими понизу овощами. Там была веранда у входа и, если позволял участок, белела из дерева сделанная беседка среди зелени кустов и деревьев. Среди розовых клумб и жужжащих на солнце шмелей. Вечерами там собиралась семья и гости, горела над столом лампа, летела на ее свет мошара, и шло застолье с чаепитием. Дождем намокала листва, и низко к влажной земле наклонились отяжелевшие ветви, а запах роз становился особенным, дождевым и пряным.

Это так было всегда, и задолго до нас — есть на полотнах Костанди и Дворникова наши дачи, до революции, — веранда, утро, стол, и на столе накрыт чай. Узкий самовар с ручками из слоеной кости. "В аллеях, укрытые зеленью, белели плетеные кресла. Обеденный стол был покрыт цветами, окна обведены зелеными наличниками. Перед домом просторно стояла деревянная невысокая колоннада" (Исаак Бабель. В подвале). И стулья там стояли такие же (они еще уцелели с тех времен, венские, гнутого дерева, постаревшие и поэтому попавшие в опалу на дачи, уступив место новым в четыре ноги наглем, но все еще, и надолго, крепкие и верные дачные наши стулья. Сколько себя помню, они жили с нами, безропотно носили на себе покачивание подростков, тяжесть посадки ученого мужа и веселье застолья. Иногда на них становились ногами, прибывая картину или развешивая занавес на окнах, и тогда они покорно скрипели своими изящными сочленениями. Как много слышали они и видели за это прошедшее столетие! Теперь с нами они тоже уходят).

Чаще всего эти дачные домики разделены были на четвертушки, и с каждого угла открывалась отдельная дача со своим участком земли. Ограждены были участки деревянными палисадниками, крашенный штакетник утопал в зелени и колючках непроницаемо глухих кустов, чтобы никто посторонний не заглядывал в дачную жизнь.

Выбирались на дачу с мая (но разговоры об этом событии начинались много раньше, с первыми теплыми днями весны), переезжали женщины с детьми, а мужчины на дачу наезжали после работы, и только в отпуск все собирались вместе. Несколько недель перед выездом на дачу туда ездили по воскресным дням приводить все в порядок. Белили и красили, поправляли заборы, сжигали прошлогоднюю листву. Так работали весь день, а вечером садились перекусить и выпить. Пахло паленой листвой, руки были в следах не отмытой краски... Боже мой, как вкусно все было после дня, проведенного в работе на дачном воздухе!

Весенний трамвай, открытый настежь вагончик, весело бегущий на Большой Фонтан:

"В аллеях столбов,
По дорогам перронов —
Лягушечья прозень
Дачных вагонов;
Уже, оконувшийся
В масло по локоть,
Рычаг начинает
Акать и окать...
И дым оседает
На вохре откоса,
И рельсы бросаются
Под колеса..."

Эдуард Багрицкий. Весна

А ты сидишь, запахнувшись в теплую полу и воротник куртки,

щуришься от солнышка, куришь. А трамвай пишет зигзаги и выписывает восьмерки, и они всегда так необычны для нас, жителей прямоугольных городских улиц, так пленительны!

Потом нанимали машину и переезжали. Машина нужна была потому, что боялись на зиму оставлять на даче холодильник и телевизор, из-за зимнего воровства, и нужно было захватить с собой много вещей. Теплую одежду на случай дождя и холода, всякие одеяла и пледы. Переехав, устанавливали все на места, расставляли кресла и шезлонги, и начиналась дачная жизнь.

Одни ходили на пляж поутру, встав спозаранок, и тогда могли встретить солнце, как оно поднимается и накатывается на море и пляжный песок, постепенно все согревая. И можно было плыть навст-

так весело прыгает по воде брошенный горизонтально плоский, поднятый с песка камень. Так купались мы молодыми и красивыми, и поэтому часто купались голыми, бросив кучей одежды на песке. Потом, наплескавшись и насмеявшись в прохладной теплоте морской воды, мы всегда долго искали эту одежду и не всегда все там находили. Темнота пляжа была вязкой и влажной, в нескольких шагах все терялось во мгле, и мы часто не досчитывались на время какой-нибудь пары, акая их и ругая наконец-то нашедшихся. И затем весело поднимались вверх по крутым склонам, шли босыми, в мокром песке, ногами.

Как легко дышалось на крутом этом подъеме, как вкусен и прохладен был морской воздух, как ласково гладили наши ноги ветви кустов... И сыпались с неба звезды над нашими головами, но мы даже не

Ходили в кино — на десятую или шестнадцатую станции. Смотрели там всякую дрянь.

Боже мой, как хорошо бывало на даче в дождливую неделю! Как тихо и сладко читалось под монотонность падающего на землю дождя. Дождь был рядом с тобой, не где-то на улице, но вот здесь, он стоял за дверью, как пришедший к тебе, уставший от одиночества гость. Открой дверь, выйди к нему на веранду поговорить, постой рядом с ним, покури. Ночной ветер порывами гнет к земле тяжелые от воды и уставшие сопротивляться ветви, и земля от воды уже тяжелая. Ветер забрасывает внезапно горстью воду дождя на веранду, тебе в лицо, чихает собака, и странное чувство возникает, что это, увидев тебя, так развлекается ветер, с тобой играя. Ему не холодно и не сыро... а весело!

Потом начинал бегать, ездить на трехколесном велосипеде, упрямо въезжая в дачные заборы, и дружить начинал со сверстниками, даже если родители знакомы не были вовсе. И так возникало великое дачное братство.

И первая любовь зарождалась здесь, на этой дачной аллее, ведущей к морю. И просто — брала шестилетняя девчушка приятеля с аллеи за руку и приводила к себе на дачу, показать своих кукол, и сидели в сторонке родители, осторожно поглядывая на эту новую автономную жизнь и шутили себе втихую.

И воздух этих незабвенных дачных вечеров, полумрак аллеи с пятнами света, выхваченными из темноты чередой качающихся лампочек, звездное небо, опустившееся к притихшей земле... И ты идешь прямо в прохладном пространстве неба, чуть сторонясь пролетающих мимо звездочек, и слышишь тихие голоса, проникающие со всех сторон, из темноты скрытых за темными кустами дач, то тут, ручейком радиоразговора, то там, веселым смехом и женскими голосами... и перебор гитары... то ли еще Галич, то ли уже Высоцкий... и тонкая упругая звонкая нить нескончаемой песни сверчка... Эта песня, на темной аллее об одиночестве, о том, что все еще сбывается, это сладкое чувство покинутости, предвещающее неизбежную встречу...

Ты переступишь порог, сбросишь мокрую одежду, наденешь сухую... сядешь к столу, возьмешь в замерзшие руки раскаленную чашку чая. И раствориться во всем этом, ни к чему не прислушиваясь, ничего не отвечая. И внезапно услышишь старую добрую песню сверчка — ты вернулся домой!

Никогда не позволяй себе даже думать, что дом твой разрушен... что тебя в нем никто больше не ждет!

Но, когда вспомнишь, внезапно, среди дел и суеты мира, по непонятной причине и без повода все, вспомнишь ночную песню дачного сверчка, — не беги к фотографиям и книжкам, чтобы подлечить память — просто подними трубку и набери номер, и спроси друга, спроси его: "Ведь это правда, на нашей дачной аллее, там, где она делает поворот вправо, по пути к берегу обрыва, когда-то стояла скамейка, покрашенная в зеленый цвет, со спинкой, и краска местами на ней облетела?". И друг твой на далеком ином континенте, подскокивший от полночного звонка, испугавшего жену, спящую рядом, прикрывая ладонью трубку и отдышавшись от внезапности вопроса, скажет тебе: "Точно...". И тихо добавит, никак не обидевшись: "А ты знаешь, ведь совсем недавно я тоже ее вспомнил, ведь как это странно — там на спинке еще была надпись...". И потом, погасив свет, и на вопросы раздраженной жены ничего не ответив, он долго будет лежать, твой старый друг, в темноте ночной комнаты — чуть улыбнется его губы... он увидит фонарь, качающийся на легком ночном ветру у поворота аллеи прямо над зеленой скамейкой... где вечность назад он впервые поцеловал тоненькую и стройную девушку... и ощутит на своих губах вкус ее еще детских губ... он почувствует влажный и холодящий шепот ветра с моря, от берегового обрыва... он даже услышит монотонный скрип фонарной подвески, которую... давно надо бы смазать!

И кто бы там ни поселился, сменив нас, с ним неизбежно это произойдет, как когда-то с нами, Фонтаны изменят его, сделают своим. Незаметно, непонятными путями, но в лице этого пришедшего поселенца, в его походке, в словах, которыми он станет весело чертыхаться, оконувшись в холодную еще весеннюю воду, это проявится постепенно и неизбежно. А уж дети его, они станут, кем бы он ни был, детьми Фонтана. Такими же, как мы с тобой, только это будет теперь уже их Фонтан. Их море, их солнце над этим заливом, их затяжной и глухой дождь в самый разгар пляжного сезона.

И слава Богу!

Александр ДОРОШЕНКО.
Фото Ивана Череватенко.

ДАЧИ

речу солнцу, по солнечной дорожке. Другие ходили вечером, когда спадала дневная жара и убавлялось число пляжников. Пляж становился чистым от людей, тихим, и море становилось похожим на море. И тогда можно было уплыть далеко-далеко и плыть по лунной дорожке. Такую лунную дорожку море протягивало только тебе, она была узкой и рассчитанной только на одного тебя. Всегда брали с собой большое махровое полотенце, потому что холодно было купаться ранним утром и поздним вечером.

Мы любили купаться в шторм, в его высоких и рвущихся к берегу волнах, накатывающих равномерно. Мы с веселым смехом подныривали под эти набегающие волны, приносившие к их высоте и ритму, но вдруг, из череды одинаково огромных, рассчитанных волн, внезапно вырастал несущийся к берегу вал, вдвое крупнее их всех, и накрывал он тебя с головой, сбивал с ног, схватив и вынеся к берегу, мокрого, барахтающегося, веселого и испуганного. В такую высокую волну проще было уплыть в море, навстречу шторму, там волны не могут, упершись в дно, вырасти несоразмерно, там можно, умеючи, но с оглядкой на берега, слегка поиграть с рассерженным морем. И, временами, оказавшись меж двух, одной прокатившейся и второй набегающей на тебя волной, ты переставал вовсе видеть берег, и вокруг были только волны, и над головой низко несущиеся свинцовые облака. И замирало сердце от восторга и страха...

А если внезапно налетал летний сокрушительный в ярости ливень, когда некуда было спрятаться на открытом пляже, мы прятали в кульки и сумки одежду, а сами бежали к морю, где все равно было мокро, но всегда теплее, чем в потоках хлещущего наотмашь дождя...

Но некоторые, настоящие дачники, купаться ходили редко или вообще несколько раз за весь сезон. Потому что круты наши морские склоны, труден спуск, и еще труднее подъем. Потому что на даче, в ее прохладной зелени, и так хорошо — ветерок с моря, свежий и вкусный, покой, уют. Да и забот много — полить и обиходить кусты роз и всяких других цветов, накормить семью.

Были и еще купания — ночью. По темному и крутому склону к морю сбегала веселая компания, вставшая из-за праздничного стола. Был первый-второй час ночи, воздух был еще теплый, и море, внизу внезапно оказывавшееся прямо у ног, еще хранило дневное тепло. Оно было темным, много темнее ночного воздуха и поднимающихся склонов. Оно было живым и рокошущим. Море многократно отражало наши веселые голоса, и смех отражало, —

пытались их пересчитывать и подбирать, в уверенности будучи, что так будет всегда — ночное и ласковое море, и веселые голоса друзей. И этот подъем среди падающих, задевающих наши плечи звезд.

И потом, в темноте ночной комнаты, трудно было уловить источник мерцающего пульсирующего света, и вдруг на подушке ты находил маленькую звездочку, запутавшуюся в волосах подруги...

Странно и то, что перестали падать теперь эти звездочки, так много было их раньше, и все казалось — еще будут и будут...

Так жили на дачах. Иногда летом на неделю мог зарядить дождь. Становилось прохладно и очень сыро. К морю можно было идти только с зонтиком, одевшись во всякие свитера и ветровки, потому что на море был ветер, и он гнал с остервенением белые от злости волны, разбивая волнорезы, пляжные толчаны и руша ограды. На море хорошо было смотреть сверху, с обрывов. В такие дни дачники ходили часто друг к другу в гости, выпить и поговорить. Шли гуськом, узкими дачными дорожками, и все пахло влагой и мокрой землей...

В такую погоду хорошо пила водочка под маринованный крепкий и хрустящий огурчик, под раскаленную с жару колбаску, под великое и любовное чувство дружбы.

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

— Иосиф Леонидович, я должен запомнить, на какую реплику в каком сегменте сцены мне нужно находиться...

— Что он говорит? Что такое "сегмент"?

— Танечка, сегмент — это часть.

— Так почему бы Гене не выразиться попроще? Так бы и сказал: в какой, дескать, части...

— Все правильно, Танечка, сегмент — это не просто часть, а часть, тесно связанная с остальными в пределах одного целого. Продолжаем репетицию! Не забывайте, мои дорогие, вы все время словно пританцовываете, маетесь, маета — ваше главное состояние. Еще раз всю сцену с начала...

В это трудно поверить, однако на сцене одесской русской драмы действительно репетирует новый спектакль известный московский режиссер, согласно данным рейтингов, входящий в двадцатку лучших театралов режиссеров России Иосиф Райхельгауз. Обычно о нем говорят также — "бывший одессит", но мы-то знаем, что одесситом бывших не бывает... Долгое время многим казалось, что все разговоры о сотрудничестве театра и постановщика так разговорами и останутся, ведь Райхельгауз ждал и в Женеве, и в Бонне, и в массе других интересных мест, не говоря о Москве, где без него невозможно полноценное существование его театра "Школа современной пьесы". Поговаривали также, будто мастеру такого уровня следует платить слишком высокие гонорары, которые областному театральному коллективу не под силу ни заработать, ни выпросить. Сам Райхельгауз утверждал: вопросы материального характера никогда не будут поставлены во главу угла, если речь идет о спектакле для родного города.

Первоначально планировалась "Чайка" Чехова — Акунина на два вечера, ставшая уже хитом московского сезона. Но... Нашлась другая пьеса, одесская, которая увлекла Иосифа Леонидовича и послужила, на его взгляд, достойным поводом для того, чтобы поработать над постановкой в Южной Пальмире.

К пьесе мы еще вернемся, а пока, затаив дыхание, проследим за работой маэстро. Для нас с фотокором (а точнее, для "Всемирных одесских новостей") Райхельгауз сделал исключение, а вообще-то он сторонник европейской системы, согласно которой представителей прессы допускают даже не на премьеру, а на седьмой-восьмой спектакль, когда все более или менее устанутся и войдет в границы,

очерченные режиссером. Для прессы устраивают после спектакля банкет, и она добрее от полученного внимания... Нам тоже такой расклад нравится, однако профессиональный интерес влечет не только на спектакли, а еще и на репетиции, где видна, пусть в небольшой степени, творческая кухня авторов.

На сцене — заслуженный артист Украины Геннадий Скарга и артистка театра Татьяна Маркова. Впрочем, друг к другу они обращаются сейчас иначе — по пьесе их персонажи носят имена Вера и Константин. Поскольку работа над спектаклем с участием всех служб находится в самом разгаре, декорации еще не выполнены и не смонтированы до конца, но уже понятно: сцена представляет обстановку гостиничного номера из недорогих, с современной мебелью, картинами, техникой. Герои говорят о любви. Да, может быть, о ней все сказано, только кто сказал, что со времен Ромео и Джульетты ничего не изменилось? Наоборот, приходится слышать, будто современный человек утратил потребность в любви, а отсюда и способность искренне чувствовать. Век однообразных вещей и однообразных отношений? Не совсем так...

Артисты то и дело пытаются шутить, по-детски шалить, им явно комфортно с режиссером, но не с текстом, который трогает их за душу. Повторяя свои реплики, Татьяна и Геннадий, похоже, немного стесняются написанных автором нежных слов, трогательных воспоминаний о том, например, как однажды Вера не смогла рано утром покинуть Константина из-за того, что во сне он крепко держал ее за руку, а она, в свою очередь, побоялась его потревожить... Он — умный, жесткий, спортивный, ироничный, она — деловая, чуть погасшая, приглушенная возрастом, жизненным опытом, который лучше всех лекарств лечит от спонтанных проявлений эмоций. А вместе они — лирическая пара наших дней.

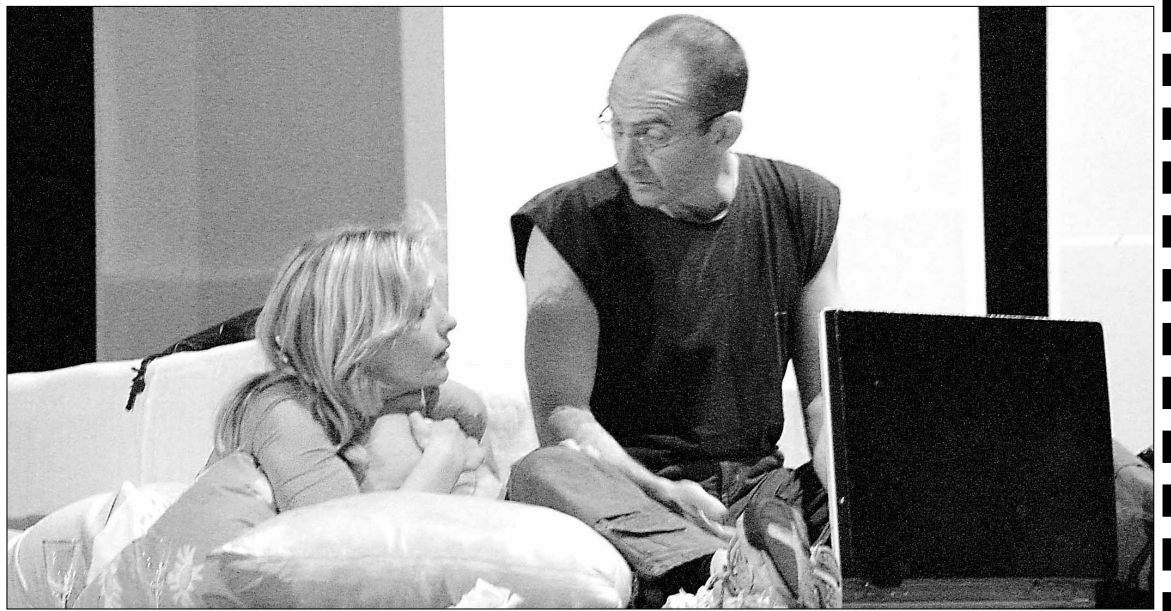
— Костя, я часто думала... Люди любят друг друга, после них остаются дети. Пишут друг другу — остаются письма. А что останется от нас? Счета на мобильные телефоны?

— У нас с тобой через полгода внук родится.

— Уже?!

— Что значит — "уже"? Нашим детям "уже" за тридцать, давно пора!

Иосиф Леонидович отвлекается на звонок мобильного телефона (здоровье дочери Маши, с которой он приехал в Одессу, вызывает беспокойство), а потом просит за это прощения у артистов, предлагая повторить сцену

заново. Иные режиссеры во время репетиций орут почему зря на артистов, топают ногами, и, как ни странно, такой подход также бывает оправдан и приносит неплохие творческие результаты. С Райхельгаузом все по-другому. Его интеллигентность и чувство собственного достоинства диктуют мягкую манеру общения с ак-

терами, и, тем не менее, все происходит так, как того хочет он. Присутствующая на репетиции балетмейстер спектакля Юлия Пурина пытается убедить режиссера, что участие балета должно быть более заметным (молодость имеет свои права), и даже восклицает в запальчивости:

— Зачем вы взяли балет?

— Как — зачем? Балет — это наше украшение, — смеется мэтр,

утешая Юленьку, а сам проводит репетицию дальше, четко определяя место каждого танцовщика на сцене и в действе.

Собственно, "балет" — это громко сказано, просто группа

молодых артистов театра-студии "Тур де форс" принимает активное участие в происходящем, обозначая массовку, рабочих сцены, бег времени (перечень ассоциаций можно множить), сосуществуя с героями и ни в коем случае не выходя на первый план, не поражая какими-то особыми танцевальными эскападами. Сейчас репетируется финальная сцена, по времени относящаяся к 2005 году (первое действие начинается в 1975-м), когда Константин и Вера, тридцать лет любившие друг друга, но встречавшиеся от случая к случаю — ведь на момент знакомства у каждого уже была своя семья, — готовятся к свадьбе своих детей, также полюбивших друг друга... Предпраздничная суета, гостиничный номер Веры заставлен вазами с букетами цветов, рядом на веранде танцует молодежь, а герои смущены, гадая: знают ли его дочь и ее сын о чувстве, пронесенном родителями через тридцать лет? И что впереди?

Театралы со стажем наверняка помнят шедшую свыше десяти лет назад на сцене той же русской драмы постановку пьесы американского драматурга Бернарда Слейда "В будущем году, в то же время". Автор исследовал ту же проблему вспыхнувшего между несвободными людьми сильного чувства. Играли тогда Лев Котляр и Наталья Гриншпун, пьеса вообще триумфально прошла по всему бывшему Союзу, особенно прославился дуэт Татьяна Васильева — Константин Райкин. Трогательная, порой смешная, местами грустная, она насыщена сугубо американскими жизненными реалиями, причем симпатии автора явно оказались на стороне женщины, на протяжении многих лет постоянно развивавшейся как личность, менявшейся порой до неузнаваемости как внешне, так и в плане профессии, увлечений, политических симпатий. Герою оставалось лишь растерянно и восхищенно наблюдать за ней во время ежегодных встреч в тихой гостинице, где не встретишь ни знакомых, ни сослуживцев, способных разоблачить "преступников".

Автор повода сегодняшних репетиций, опубликованной в прошлом году в альманахе "Дерибасовская — Ришельевская" пьесы "Лист ожиданий", одессит Александр Мардан, не скрывает, что вдохновил его именно Бернард Слейд. Действующие лица — Он, Она и Время. Советская курортная Ялта, населенный "челночниками" Стамбул начала девяностых, Одесса сумбурного 1994 года, снова Ялта — меняются места встреч, адреса гостиниц, номера телефонов, в том числе и мобильных, остается взаимное притяжение влюбленных.

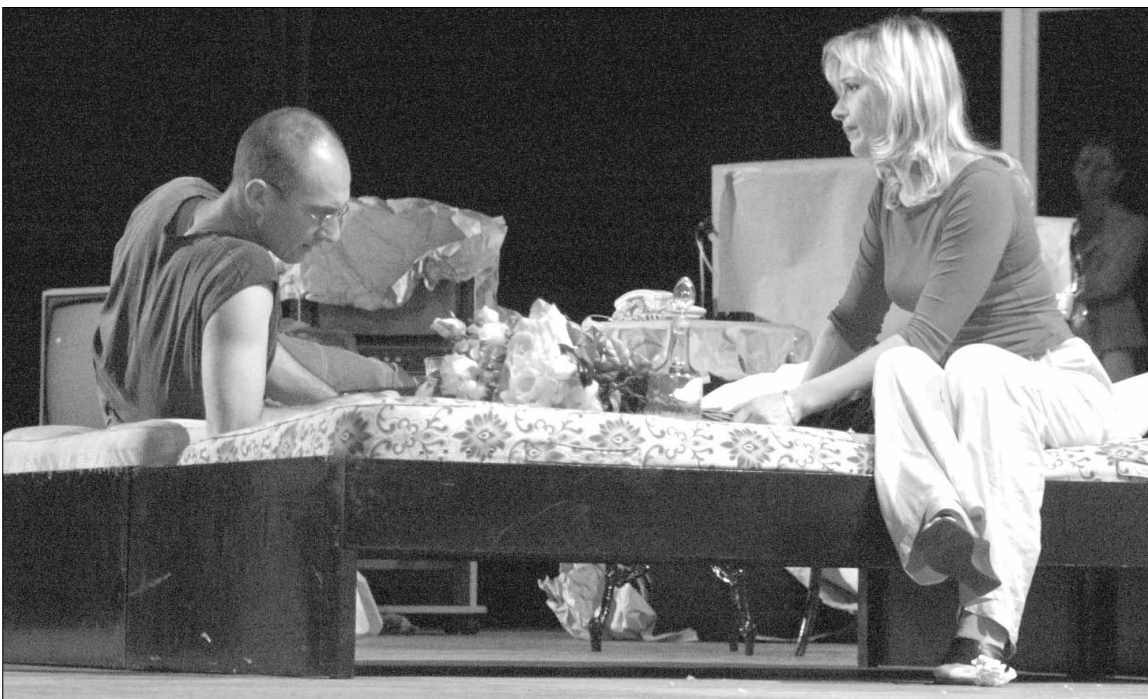
Иосиф Райхельгауз увидел в этой истории что-то свое, он во-

обще испытывает необычайный интерес к вопросу времени, исследованиям в области собственного опыта, связанного с недавним прошлым. В одном из интервью режиссер обмолвился, что поставит "Лист ожиданий", в чем-то споря с драматургом и одновременно "вытаскивая" из исполнительцев их собственные истории. Нет сомнения — намеченная на октябрь премьера окажется весьма интересной и затронет души очень многих зрителей хотя бы потому, что поведает не о мировоззренческих проблемах древних греков или дворцовых интригах, стенаниях "тети Мани да дяди Вани", не актуальных шекспировских страстях, реалиях жизни вельмож мольеровских времен, а о том, что действительно волнует публику на сегодняшний день. И мы попробуем после просмотра уже готового спектакля осмыслить все происшедшее за тридцать, двадцать или даже только десять последних лет с нами, с нашим обществом, с нашей способностью испытывать любовь. В финале Константин и Вера останутся на сцене возле гримировального столика, снимут актерский грим и выйдут на поклон к зрителям уже не "в образе", а просто в качестве современных людей, так же стремящихся разобраться в нынешней непростой жизни, как сидящие в зале.

Думается, такой театр должен объединять, сплавлять людей. А, согласитесь, досадно, когда на сцене видишь нечто совершенно вразрез идущее с тем, что тебя хоть как-то бы затронуло. Будем надеяться, пьесе одессита ждет множество интересных прочтений и трактовок. Во всяком случае, в Липецке тоже идет подготовка спектакля "Лист ожиданий", и вот что интересно: в качестве художника-постановщика привлечена дочь Иосифа Райхельгауза Мария Хазова. Здесь также что-то удивительным образом совпало.

За два часа, проведенных на репетиции, мы увидели, как подробно, "по сегментам", как того хотелось Геннадию Скарге, Райхельгауз показывает артистам весь путь их героев по сцене. Какие-то тонкие психологические моменты были уже явно выверены во время так называемого застольного периода работы над будущим спектаклем. Удачным оказался выбор исполнительцев, интригующей — роль балета, плодотворным — сотрудничество с руководителем музыкальной части Евгенией Ермаковой, создавшей "партитуру" из хитов эстрады за тридцатилетний период. Остается проявить немного терпения и дождаться премьеры, чтобы пережить все заново, поностальгировать. Как знать, может быть, режиссеру удастся вытащить свою историю из каждого зрителя?

Мария ГУДЫМА.
Фото Олега Владимирского.

Михаил ИЛЬВЕС КОРОЛИ НАЧИНАЮТ, НО ВЫИГРЫВАЮТ НЕ ВСЕГДА

Президент ФИДЕ и пятый чемпион мира по шахматам Макс Эйве

За те 118 лет, которые насчитывает история шахматных чемпионатов, на этот Олимп поднялись только 14 гроссмейстеров, и все они были людьми выдающимися. Мне посчастливилось прикоснуться к этой теме, когда во время полуфинального матча претендентов на звание чемпиона мира между Виктором Корчным и Тиграном Петросяном в 1974 году в Одессе я выпустил шахматный бюллетень местной "Вечерки". Тогда в этот город, бывший далеко не последним шахматным центром и в СССР, и даже в мире, съехались многие гроссмейстеры и даже один из чемпионов — Макс Эйве, бывший в то время президентом Международной шахматной федерации.

Матч претендентов тогда оказался коротким — при счете 3:1 в пользу Корчного он был прерван из-за болезни Петросяна, но жизнь вокруг него была бурной. Знаменитые шахматисты давали сеансы одновременной игры, комментировали партии прямо по ходу матча, раздавали одесситам автографы. Помню, как я поинтересовался у Эйве, мог ли бы он написать что-либо для нашей газеты, и он сразу же дал согласие. А уже утром его переводчик принес мне в редакцию и эту статью, и ее перевод — оказалось, что оба они трудились над ней почти всю ночь. Эйве рассказывал в ней о своем визите в Одессу в 1934 году, вскоре после чего он и стал чемпионом мира — победив самого Алехина.

Другая шахматная легенда — Сало Флор — сам принес мне свою статью, в которой он рассказывал о том, как они вместе с тем же Алехиным в пух и прах проигрались в казино Монте-Карло — даже могучего интеллекта двух тогда первых номеров шахматного мира не хватило для борьбы с шариком рулетки. Между прочим, мне тогда повезло задать Эйве замечательный вопрос: "Если было бы можно, — спросил я его, — провести сейчас турнир 11-ти чемпионов (на тот момент их было именно столько), то как бы распределились они в итоговой таблице? Иными словами, как оцениваете вы их по объективной силе?". Этот вопрос интересен был, прежде всего, тем, что сам Эйве в личных поединках

умудрился встретиться в свое время со всеми ими — со всеми, кроме первого чемпиона Вильгельма Стейница.

И вот что ответил пятый чемпион:

— Это трудный вопрос, — сказал он, — тем более что некоторые из чемпионов сейчас здравствуют. Наверное, первым я поставил бы все-таки Морфи, хотя официально в это число он не входит. Второе и третье места разделили бы Фишер и Ботвинник. Далее я поставил бы четырех Маэстро — Алехина, Ласкера, Капабланку и Стейница. Затем Таль, Петросян, Смыслов и Спасский — кого выделить из них, не знаю. А последнее место осталось, как видите, мне.

Согласитесь — очень интересно!

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ «В начале жизни школу помню я...»

Мама сшила мне сумку с ремешком через плечо, сестры поочередно вышивали мне ее в течение лета. С ней я и отправилась в первый класс. Покупка портфеля и, к счастью, еще не обязательной школьной формы в первые послевоенные годы была для скудного семейного бюджета неподъемной.

Школа была на Французском бульваре, точнее, в туличке, параллельном Юнкеровскому переулку. Квартиры первого этажа когда-то роскошного дома начала двадцатого века с лифтом (правда, не работавшим) были превращены в классы.

Первое же впечатление от школы было пугающим. Неразбериха, орущая толпа учителей, растерянные дети, не знавшие, куда приткнуться на сентябрьском солнышке, — мне сразу захотелось домой!

Странно, но от первых двух школьных лет у меня не сохранилось почти никаких воспоминаний. Я уже читала запоем, после освобождения Одессы писала письма на фронт, прыгала до потолка от радости, когда приходили треугольные почтовые посылки на мое имя, а тут — чья-то чужая мама в букваре, которая вечно что-то мыла: "Мама мыла раму, мама мыла Машу". В школе было скучно.

Зато вокруг школы было интересно. Я очень недолго ходила в школу в сопровождении старших, освоив маршрут, я отправлялась с Гимназической на Французский бульвар одна. Впервые почувствовав свою самостоятельность, я осваивала неведомую мне одесскую географию. Можно было идти в школу по Малой Арнаутской до Белинского, а можно было по Новорыбной (дома у нас все улицы назывались по-старому), можно было пройти к школе через улочки Отрады, а можно было идти по Французскому бульвару, наблюдать смену красок царственной листвы, приклеивать "носики" кленов на свой собственный нос. Встречать по дороге несчастных инвалидов. Особенно много в том районе было слепых, которых бережно вели их жены, дождавшиеся с фронта пусть изувеченных, но все же вернувшихся мужей.

Многое казалось таинственным. Маленький особняк между Белинского и Юнкеровским (Лейтенантским, вице-адмирала Азарова) переулком. Высокая решетка отделяла его от бульвара. К косякам решетки с внутренней стороны был приторочен грубый тол — от любопытных глаз. Иногда открывались ворота, быстро выезжала машина, ворота тут же захлопывались. В это мгновение можно было заметить клумбы, и никогда не было видно обитателей. Молва приписывала владение этим особняком какому-то генералу... Рядом с решеткой особняка высились огромные резные двери. Никогда не открывавшиеся. Они тоже казались таинственными.

По дороге домой (не в школу — чтобы не опоздать на уроки!) соблазном был велотрек за легко преодолеваемым забором — на месте нынешней мукомольни. Особенно притягательным был он зимой, когда, сидя на появившемся у меня портфеле, можно было съезжать по его заснеженному крутым склонам. Этот велотрек позже писал Люрик Межберг.

Появились первые подружки. Одной из любимых была ясноглазая умница Соня Ойвин. Отец погиб на фронте. Соня, мама, брат и бабушка (я впервые услышала слово "бабушка")

жили в двух крошечных комнатках, одна из которых была проходной. Однажды мы заговорились, прижились сумерки. Вдруг Соня попросила меня говорить шепотом. Мы еще какое-то время пошептались. Я засобиравшись домой. Соня пошла меня провожать. В проходной комнатке за столом с зажженными свечами сидела бабушка, произносившая молитву на непонятном языке. Она не шевельнулась, а мы на цыпочках прошли за ее спиной. Так впервые я увидела зажженные субботние свечи.

Еще не были отменены хлебные карточки. Я не понимала, что такое маслины, которые часто вспоминала мама: "Так хочется хоть одну маслинку". Я знала низкорослые деревца с тонким запахом мелких желтых цветочков, с узкими серебристыми листьями и серебристыми крошечными плодами, которые мы ели, несмотря на терпкий вкус. Почему же мама говорит, что маслины крупные и черные? Непонятно!

С упоением мы ели не только мелкие дикие маслины, но и сводившие от оскомины рот зеленые абрикосы, шелковицу, кисло-сладкое содержимое стручков гледичии. И "гогочки"! Что за дерево одаривало нас этими мелкими круглыми плодами, ума не приложу. Сто лет я не видела эти "гогочки", наверное, я бы их и не узнала сейчас. Но в памяти они остались!

В первые два школьных года под любым намеком на температуру, на заболевание, я пыталась остаться дома. А уж корь, скарлатина и другие детские болезни, длившиеся долго, казались мне вознаграждением за скучные школьные часы! Я не понимала страха взрослых. Я чувствовала себя наконец-то принцессой, вокруг которой суетятся, несут какие-то скромные, но для меня такие желанные гостинцы!

Но наступала необходимость опять тащиться в школу. Успокаивало меня только то, что вновь я смогу пройти по Гимназической до Новорыбной и заглянуть снизу вверх в огромные окна бывшей Пятой гимназии, где после войны размещался ветеринарный факультет сельскохозяйственного института. В этих окнах были видны устрашающие скелеты каких-то крупных животных. И страшно, и интересно!

Но особенно манящей была витрина гастронома на Канатной угол Новорыбной. В ней было представлено изобилие по-советски — в виде бутарных калачей, окороков и колбас. Что там было еще, не помню, но нежно-розовая колбаса, казалось, источала аромат. Опираясь на перекладину перед витриной, я долго любовалась этой сказочной роскошью снэди. Однажды подошел мальчик, чуть старше меня, и сказал: "Что, смотришь?! А я это ем!". Больше к этой витрине я не подходила. Теперь же, когда наша Соня учиняет мне "допрос с пристрастием" — с детским лукавством искушая меня: "Что ты больше любишь, яблоки или колбасу?". Я отвечаю: "Колбасу!". "А что ты больше любишь, конфеты или колбасу?" — "Колбасу!" Последняя высота искушения: "А что ты больше любишь, мороженое или колбасу?" — "Колбасу!" — совершенно искренне отвечаю я. Сонечка смотрит на меня с сожалением...

После первых двух лет на Французском бульваре нас почему-то на год перевели на Большую Арнаутскую, в 101-ю школу (бывшую гимназию Панченко, как не забывает напомнить мне Саша Розенбойм). Именно здесь, в

вестибюле школы я увидела впервые девочку с летящей походкой, с зелеными глазами и чуть рыжеватыми густыми волосами. Это была Эвелина Шац.

Оглядываясь вокруг, я понимаю, что среди всех моих друзей и знакомых (о родственниках не говорю) нет человека, не просто знакомство с которым, но дружба, привязанность, несмотря на расстояния, редкие встречи, длится, по сути, всю жизнь. Гораздо позже, до знакомства со мной, с Линой познакомился Голубовский. И это знакомство переросло в дружбу. Да что может передать суховатое слово — дружба? Нашу любовь, восхищение, соперничество не вместить в одно слово. Так что третий класс мне запомнился. Линочка, мы тебя любим!

И еще один вроде бы не заметный эпизод произошел в третьем классе.

Недавно, увидев в "Новостях", северокорейское камлание по поводу десятилетия со дня смерти Ким Ир Сена, я в очередной раз подумала, как схожи нечеловеческие режимы. Убийство всего живого и возвеличение смерти, особенно лицемерно-садистическое прославление поверженного соперника.

При Сталине неперенные утренники в школе 1 декабря, в день, как говорилось, смерти Кирова. Я сама самозабвенно читала тихоновские строчки: "В железных ночах Ленинграда по городу Киров идет".

А уж день смерти Ленина — он был выходным днем (не 8 Марта, не День Победы!). День рождения Ленина был обозначен в календарях, но никаких аффектаций в связи с ним не припомню. А накануне выходного перед днем смерти — на все лады твердились тлетворные лживые тексты из "Краткого курса истории ВКП(б)". Оценки, естественно, сегодняшние. Ничего этого в третьем классе я не понимала.

Нашей учительницей в третьем классе, всего лишь год, была пожилая дама, которую звали Елена Яковлевна. Фамилии ее я не знала ни тогда, ни тем более сейчас. К сожалению, Елена Яковлевна с венчиком седых волос, в каком-то платье темного цвета с белым воротничком была похожа на гимназических наставниц. Возможно, она успела побывать в этой роли до революции, от которой нас отделяли тридцать с небольшим лет.

И вот наступает "предсмертный" ленинский день. Всюду собрания, классные часы, всюду слышен шелест страниц "Краткого курса".

После уроков Елена Яковлевна оставляет нас всех на классный час. Мы уже выучили стихи о Ленине и Сталине ("два сокола ясных ведут разговоры" и все в таком же духе!) и готовы их читать друг другу и нашей старенькой (как нам кажется) учительнице. Но Елена Яковлевна достаёт из старомодной сумочки старую книжечку, и, к нашему удивлению, начинает читать стихи памяти героев, павших в русско-японскую войну. Она читает тихо, но выразительно, с чувством. И ни слова о Ленине-Сталине.

Что это было? Понимала ли она, что делает? Было ли это данью памяти погибшего жениха, отца, брата? Ничего не знаю.

После третьего класса мы вновь вернулись к себе на Французский бульвар. К нам пришла новая учительница. Елену Яковлевну я больше никогда не видела. Но почему-то это вроде бы незначительное воспоминание — одно из самых дорогих в так и не полюбившейся мне школе.

Татьяна Орбатова Сундучок со смыслями

Умереть можно в любой момент, но не в любой момент можно выжить.

Старого критика вдохновляли только критические дни молодых поэтов.

Он искал свою половину, а когда нашел — разочаровался в себе.

Инстинкт самосохранения не всегда способствует сохранению самооценки.

Он оценил Ее девственность, а Она — Его свободу.

Освободиться можно только от иллюзии свободы.

Его интересовали только те женщины, тела которых были отмечены множеством годичных колец.

Закон поз
Поза, принимаемая телом, определяется положением.

Закон положений
Положения, которые может занять человек, полностью определяются множеством поз, которые способно принимать его тело.

Она имела силу, чтобы с ним жить, а он жил с ней из уважения к ее силе.

Себя любить никто не запретит, но никто и не заставит.

Он попрекал ее в том, что она ест его хлеб, и она ограничила себя в мучном.

Если ваша знакомая всякий раз при встрече говорит, что никому и никому не завидует, поинтересуйтесь, почему она рассказывает об этом именно вам.

О шизофрении
Она может быть такой многозначительной!

Она многое о себе воображала: что умна, красива, талантлива. И все соглашались, что у нее богатое воображение.

Хлеб кормит, а его режут или ломают.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ. Коммерческий директор Леонид РУКМАН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса» (тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____ газета отпечатана в типографии «СІЧ».

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.